

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • 1954

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СЛОЖЕНИЯ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Большие успехи в области изучения исторического прошлого Средней Азии, достигнутые за последние 15 лет, позволили подойти к разрешению столь трудной и ранее неосуществимой задачи, как создание истории таджиков.

Первые шаги в этой области сделаны Б. Г. Гафуровым, давшим краткий очерк исторического прошлого таджиков с использованием всех новейших результатов археологических работ на территории Средней Азии¹.

Вполне естественно, что в этом первом обобщающем труде, освещающем историю таджиков в кратком виде, ряд вопросов не мог быть рассмотрен с достаточной полнотой.

Одной из весьма важных проблем истории таджиков является проблема сложения таджикской народности, до сих пор еще не подвергавшаяся специальному рассмотрению. Все излагаемое ниже является попыткой подойти к разрешению этой проблемы на основе имеющихся в настоящее время фактических данных.

Определяющими признаками народности феодальной социально-экономической формации можно считать известную общность языка, территории и культуры при наличии хозяйственной раздробленности, сочетающейся с малоустойчивыми экономическими связями.

Исходя из этих положений можно сформулировать следующие основные вопросы сложения таджикской народности:

- 1) время и место сложения таджикской народности;
- 2) основные компоненты, участвовавшие в сложении таджикской народности, и относительная роль каждого из них в этом процессе;
- 3) путь сложения общности языка таджикской народности;
- 4) процесс образования общности территории таджикской народности;
- 5) путь сложения общности культуры таджикской народности.

При этом, конечно, общность по отдельным признакам подразумевается относительная, соответствующая положению о признаках народности как зачаточном состоянии признаков нации.

¹ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении. М., 1952.

1. ВРЕМЯ И МЕСТО СЛОЖЕНИЯ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ

Из числа поставленных выше основных вопросов первый разрешается с относительной легкостью. В X в. известная общность языка, территории и культуры имеет место для оседлого земледельческого населения основного ядра саманидского государства, которое составляли Среднеазиатское Междуречье, Хорасан и Северный Афганистан. Если сопоставить эту территорию с территорией расселения таджиков в настоящее время, то становится очевидным фактически полное их совпадение.

Поскольку таджики и их непосредственные предки неизменно являлись оседлыми земледельцами и никаких переселений таджиков в период средневековья и в новое время не было, мы вправе считать, что ядро саманидского государства в основном очерчивает ту территорию, на которой шел процесс сложения таджикской народности.

Сам термин «таджики», как наименование праноязычного оседлого земледельческого населения указанной территории, появляется в источниках в первой половине XI в.¹ Следует отметить, что это было самоназвание, а не название, прилагавшееся только извне; об этом вполне определенно свидетельствуют данные, содержащиеся в труде Бейхаки².

В источниках X в. этот термин в указанном смысле еще не встречается; в частности, автор Худуд ал-'Алем подразумевает под «тази» арабов³. В силу этого можно предполагать, что термин «таджики» стал господствующим самоназванием оседлого земледельческого населения Среднеазиатского междуречья, Хорасана и Северного Афганистана к середине XI в.

Весьма возможно, что широкое распространение и упрочение этого термина именно в данный период обязано тому, что таджикоязычное оседлое земледельческое население противопоставляло себя захватившим политическую власть тюркам.

В X в., по всем имеющимся в нашем распоряжении данным, в Среднеазиатском междуречье, Иране и Афганистане вполне четко вырисовывается победа феодальных отношений⁴.

Учитывая этот момент, мы можем считать таджикскую народность народностью феодальной формации, складывающейся к X в. на территории Средней Азии.

¹ В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 99; его же. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 24; W. Barthold; XII Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Die Welt des Islams, XIV, 1932, стр. 42; его же. Tadjik, EI., IV, стр. 628. Вопрос о происхождении термина «таджики» рассмотрен в этих же работах.

² Бейхаки. История (изд. В. И.), т. 32, Бомбей, 1861 — 1862, стр. 746: *بو الحسن عبدالجليل خلوتی کرد با امیر رضی الله عنه وگفت ما تازیکان اسب واشتر زیادتی داریم بسیار* («Абуль-Хасан Абд ал-Джалил удивился с эмиром — да будет доволен им Аллах — и сказал: Мы, таджики имеем большой излишек лошадей и верблюдов...»). Могло бы возникнуть сомнение в правомерности перевода *تازیکان* как «таджики»; однако в целом ряде случаев у Бейхаки название *عرب* — «арабы», и этот термин употребляется одновременно в одном и том же предложении, что свидетельствует о разном их значении.

³ Худуд ал-'Алем (изд. В. В. Бартольда). Л., 1930, стр. 96.

⁴ Развернутая характеристика социально-экономического строя Среднеазиатского междуречья IX—X вв. дана А. Ю. Якубовским (см. Историю народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 223 и сл.).

2. РОЛЬ ОТДЕЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ В СЛОЖЕНИИ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ

Для того, чтобы разрешить данный вопрос, мы должны установить:

1) исходные этнические компоненты, составившие основу будущей таджикской народности;

2) дополнительные этнические компоненты, включившиеся в процесс сложения таджикской народности в период IV—X вв.;

3) относительную роль каждого из этих компонентов — основных и дополнительных — в данном процессе.

Соответственно мы сталкиваемся с тремя частными вопросами. Для решения двух первых мы имеем вполне определенные данные письменных источников. На их основе мы можем более или менее четко установить этнический состав интересующей нас части Среднеазиатского междуречья в период, непосредственно предшествовавший кризису рабовладельческой формации. Здесь обитали, в основном, четыре крупные народности: согдийцы, бактрийцы, тохары и парканин. Согдийцы составляли основную массу населения центральной части Среднеазиатского междуречья — долины Зарафшана, Кашка-дарьинского оазиса и, по всей видимости, также Осрушаны. В равнинной части современного Южного Таджикистана обитали бактрийцы и тохары. Парканин (под ними подразумевается основное ядро населения государства Да-вань) обитали на территории равнинной Ферганы.

Тохары, — или, точнее, вся та группа племен, которая положила конец существованию Греко-Бактрийского царства, — были пришлыми для Среднеазиатского междуречья. В основной своей массе они первоначально обосновались в Тохаристане, а затем частично передвинулись далее на юг. В Южном Таджикистане и Северном Афганистане они составляли значительную часть населения еще в IV—V вв. н. э., так как неоднократно фигурируют в источниках этого периода (под названиями кушан и кидаритов). Очевидно, здесь процесс ассимиляции их местным населением шел весьма медленно.

В центральной части Среднеазиатского междуречья и Фергане, несомненно, также осела какая-то часть тохар: об этом, в частности, свидетельствует наличие двух Кушаний (одна в долине Зарафшана, другая в Кашка-дарьинском оазисе). Однако, поскольку в письменных источниках нет никаких упоминаний о наличии тохар на этой территории в IV—V вв. и позднее, следует предполагать, что уже к концу кушанского периода они были более или менее полностью ассимилированы местным населением.

В труднодоступных горных районах Припамирья, Памира и окаймляющих Фергану хребтов обитал целый ряд небольших сакских племен, сведения о которых чрезвычайно скудны. По всем данным, они были в интересующий нас период столь же обособленными, как и в период позднего средневековья и в новое время: в силу этого мы можем считать их только второстепенными в число исходных этнических компонентов, легших в основу таджикской народности.

Все племена и народности, явившиеся исходными этническими компонентами будущей таджикской народности, были, насколько это известно по имеющимся в настоящее время данным, ираноязычными.

Дополнительными этническими компонентами, включившимися в процесс сложения таджикской народности в разные периоды, были:

1) проникавшие в IV—VIII вв. н. э. на интересующую нас территорию кочевники — сначала хиониты-эфталиты, а затем турки;

2) арибы и следовавшие за ними в составе их войск персы и жители Хорасана.

Роль каждого из перечисленных выше исходных и дополнительных компонентов в сложении таджикской народности была различна как количественно, так и качественно. Установить ее можно только на основе привлечения данных ряда различных источников. Особенные трудности мы встречаем при определении роли кочевников, так как тот период, в который они проникали на интересующую нас территорию, наименее полно освещен письменными источниками. Кроме того, в данном случае необходимо иметь в виду некоторые общие моменты. Поскольку интересующая нас часть Среднеазиатского междуречья почти со всех сторон окружена областями, неизменно населенными кочевниками, отдельные представители последних постоянно включались в состав населения окраин этой территории и, отчасти, ее глубинных областей. Происходило это путем браков, захвата военнопленных, работорговли и т. д. Но данное явление имело весьма ограниченный размер и не могло оказать реального влияния на процесс сложения таджикской народности. Для того, чтобы правильно установить роль кочевников в этом процессе, мы должны учитывать естественно-географическое членение Среднеазиатского междуречья и определяемую им разницу в хозяйственной базе населения отдельных областей. В Среднеазиатском междуречье, — исключив пустыни, — следует различать три группы областей:

1) равнинные области — оазисы, обширные долины рек, полупустыни и небольшие степные районы;

2) предгорья и горные долины, пригодные для земледелия и являющиеся скотоподства, но непригодные для кочевого скотоводства;

3) горные долины и области альпийских лугов, чрезвычайно благоприятные для кочевого скотоводства, но мало пригодные или вообще непригодные для земледелия.

Если мы обратимся к той части Среднеазиатского междуречья, на которой шел процесс сложения таджикской народности, то увидим, что в нее входят, в основном, только области первой и второй группы. При этом в равнинных ее областях степные районы невелики и составляют, в сущности, лишь небольшие окраины оазисов. В оазисах, а также в долинах крупных рек, насколько это позволяют имеющиеся данные, во всяком случае с середины I тысячелетия до н. э., господствует земледелие, основанное на искусственном орошении. Максимум освоения пригодных для земледелия земель в оазисах и долинах рек был достигнут уже в кушанский период. Здесь, естественно, сосуществование кочевого скотоводства и земледелия было невозможно; для этого было бы необходимо частично ликвидировать земледелие, что, во всяком случае до монгольского завоевания, не имело места нигде. Небольшие по размерам степные районы были пригодны для кочевого скотоводства, но, в силу именно незначительного размера их, число кочевников здесь могло быть лишь очень ограничено. Области второй группы были издревле населены оседлыми земледельческими племенами.

В областях третьей группы мы с середины I тысячелетия до н. э. неизменно встречаем кочевое население. Однако эти области были крайней восточной периферией всей территории сложения таджикской народности, и удельный вес их был невелик.

Из всего сказанного очевидно, что объективные возможности для проникновения кочевников на интересующую нас территорию были ограничены, тем более, что в каждый данный период пришельцы сталкивались в пригодных для кочевого скотоводства районах с ранее обосновавшимися

здесь кочевыми группами. Эти «островки» кочевников в массиве земледельческого населения не могли играть значительную роль в процессе сложения таджикской народности; кочевники могли составить существенный компонент в процессе сложения таджикской народности лишь в случае более или менее значительного по размерам оседания.

Как уже указывалось выше, первым по времени дополнительным этническим компонентом, включившимся в процесс сложения таджикской народности, были хиониты-эфталиты¹. Это была группа кочевых племен, появившихся в Среднеазиатском междуречье приблизительно в середине IV в. н. э. и подчинивших себе к началу VI в. огромную территорию от Северной Индии до Семипречья и от Хотана до границ Ирана. Те сведения о хионитах-эфталитах, которыми мы располагаем, весьма скудны и сильно запутаны, вследствие чего вопрос об этнической принадлежности хионитов-эфталитов еще не разрешен с полной определенностью. Однако, как это показали исследования последнего времени, большинство фактических данных говорит об их прапоязычности и этнической близости к тохарам².

В письменных источниках имеется ряд прямых и косвенных указаний об оседании хионитов-эфталитов в интересующей нас части Среднеазиатского междуречья. Прокопий Кесарийский, именующий эфталитов также белыми гуннами, указывает, что они, в отличие от собственно гуннов, не являются кочевниками, а обосновались в плодородной стране и перешли к оседлости³. О наличии оседлых эфталитов в Среднеазиатском междуречье в VI в. свидетельствует также одно сообщение Менаандра Протектора: когда согдийские и тюркские послы явились в 567 г. в Константинополь, византийский император Юстин II спросил их об образе жизни эфталитов и получил ответ, что они являются жителями городов⁴. Из этого сообщения можно сделать вывод, что хиониты-эфталиты не только переходили на земледелие, но частично вошли и в состав населения городов.

Косвенным свидетельством об оседании хионитов-эфталитов в Среднеазиатском междуречье является отмеченный китайским паломником Хой Чао (728 г.) факт известной распространенности на этой территории полнандрии⁵. Последняя специфична именно для хионитов-эфталитов. В ряде арабоязычных источников мы сталкиваемся с представлениями о Мавераннахре, как о стране, в прошлом населенной эфталитами (хайталами); при этом конкретно подразумевается всегда, в основном, Среднеазиатское междуречье, но не степные области, лежащие севернее Сыр-Дарьи. Так, Мукаддаси именует Мавераннахр «Хайтальской стороной»⁶. У Якута мы находим следующее указание: «Хайтал... — название области Мавераннахра, а это Бухара, Самарканд, Ходженд и [то], что между ними»⁷.

¹ отождествление хионитов и эфталитов предложено Гиршманом и обосновано чтением легенд большого числа эфталитских монет (см. R. Ghirshman. Les Chionites-Hephthalites. MDAFA, XIII, Caire, 1947).

² H. Bailey. Taugara. BSOS, IX, 1939, стр. 893; R. Ghirshman. Ук. соч., стр. 66—67, 117—118; W. Hennig. Neue Materialien zur Geschichte des Manichäismus. ZDMG, 90, № 1, 1936, стр. 17; St. Konow. The White Huns and the tokbarien. Festkrift til Olaf Broch. Oslo, 1947; его же. Primer of Khotanese Saka. NTS, XV, 1949, стр. 6; A. Wesendonk. Kušan, Chioniten und Hephthaliten. Klio, 28, 1933, стр. 345.

³ Прокопий Кесарийский. De bello persica, XIII. Bonn, 1833, стр. 16.

⁴ Müller. FHG т. IV, стр. 226.

⁵ W. Fuchs. Huel-Chao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726. SPAW, 1938, стр. 467.

⁶ Мукаддаси. BGA, III, стр. 260—261.

⁷ Jacut's geographisches Wörterbuch (изд. Вюстенфельда), т. IV, стр. 999.

Мас'уди помещает эфталитов, с которыми вели войны сасаниды, в Согде, определяемом им как территория между Бухарой и Самаркандом¹. То же самое имеется и у ас-Салиби, но без указания географических пределов Согда². Но в то же время арабоязычные источники не знают эфталитов как реальную часть населения Среднеазиатского междуречья. Единственным исключением являются кенджине — небольшая группа отюреченных эфталитов, обитавшая в X в. в Хуттале³. Из этого мы можем сделать вывод, что к VIII в. осевшие в Среднеазиатском междуречье эфталиты в основной своей массе уже были ассимилированы коренным населением. Иное положение имело место в южном Тохаристане: здесь эфталиты во всяком случае до VIII в., в основном, оставались кочевниками и составляли особую часть населения. На протяжении VII—VIII вв. они, несомненно, подвергались процессу отюречивания, что засвидетельствовано той неустойчивостью терминологии, с которой мы сталкиваемся в арабоязычных источниках, описывающих завоевание этой территории (кочевники одних и тех же районов, а также отдельные лица именуются то эфталитами, то тюрками). Следует отметить также указание Тан-шу⁴, что обычаи эфталитов Южного Тохаристана сходны с обычаями тюрков (сведения относятся к VIII в.).

На основании приведенных выше данных мы можем сделать вывод, что хивиты-эфталиты в сравнительно большом количестве оседали в той части Среднеазиатского междуречья, на которой шел процесс сложения таджикской народности, и постепенно подверглись ассимиляции местным населением. Процесс их ассимиляции, очевидно, в основном, уже закончился к VIII в.

В силу вышесказанного мы вправе считать, что хивиты-эфталиты количественно были существенным компонентом в сложении таджикской народности. Однако, поскольку язык и культура хивитов-эфталитов пока еще нам неизвестны, мы ничего не можем сказать о качественной их роли в интересующем нас процессе.

Следует отметить, что хивиты-эфталиты сыграли определенную роль в процессе сложения таджикской народности также и косвенным путем. Они положили конец попыткам сасанидов распространить свою власть на Среднеазиатское междуречье и обеспечили этим населению данной территории сохранение самостоятельного пути экономического, политического и культурного развития.

Далее, хивиты-эфталиты политически объединили в рамках одного государственного образования⁵ Среднеазиатское междуречье с Северным Афганистаном, что создало благоприятные условия для развития экономических и культурных связей между населением этих территорий.

Созданное эфталитами на рубеже V — VI вв. громадное государственное образование прекратило свое существование в 60-х годах VI в. вследствие военного поражения, которое они потерпели в столкновении с западными тюрками. Начиная с этого момента, все Среднеазиатское междуречье на определенный период вошло в сферу политического влияния по-

¹ Mas'udi. Les prairies d'or. (изд. Барбье де Майнара), т. II, стр. 195.

² Al-Tha'libi. Histoire des rois de Perse (изд. Зотенберга). Paris, 1900, стр. 499.

³ О них см. Худуд ал-'Алем (изд. В. В. Бартольда), стр. 25а; Мукаддаси. BGA, т. III, стр. 283; Liber mafatih al-olush auctore Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusuf al-Katib al-Khwarezmi (изд. Ван Влотен). Leyden, 1895, стр. 119.

⁴ Тан-шу, гл. 221Б, л. 5а.

⁵ Имеется в виду государственное образование, созданное эфталитами на рубеже V и VI вв. и существовавшее до 60-х годов VI в.

следних. Это создало благоприятную почву для проникновения тюрков на интересующую нас территорию.

В соответствии с указанным выше общим положением, чтобы определить роль тюрков (как и вообще кочевников) в процессе сложения таджикской народности, необходимо в первую очередь установить, в сколь значительном размере происходило оседание их на той территории, на которой шел этот процесс. Для решения этого вопроса мы располагаем в настоящее время, в основном, только данными письменных источников — китайских и арабоязычных. Соответствующие археологические данные, ввиду слабой изученности значительной части интересующей нас территории, весьма скудны и мало показательны.

Если мы обратимся к тем разделам китайских источников (Суй-шу и Тан-шу), в которых сравнительно подробно излагается история тюрков, то не найдем в них никаких прямых или косвенных данных о переселении их из степей в интересующую нас часть Среднеазиатского междуречья. Нет в них и указанной об оседании здесь каких-либо групп тюрков. Следует отметить, что мы не имеем оснований говорить о наличии в конце VI в. — первой половине VII в. единого тюркского государства: в действительности, во всяком случае, начиная с 582 г., существовало два мало связанных друг с другом и враждующих между собой каганата — западный и восточный, из которых более сильным, повидимому, был первый. Кризис, имевший место в 80-х годах VI в. в восточном каганате, носил локальный характер и не распространился на западный. В последнем кризис наступил позднее — в 30-х годах VII в. и по своему характеру был отличен от кризисов в восточном каганате. Основным содержанием его была борьба за власть двух усилившихся в предшествующий период конфедераций племен: Ду-лу и Ну-ши-би. Предшествовали ему, в отличие от восточного каганата, не военное поражение и голод, а подъем политических и военного могущества. Такой кризис не мог создать условий, необходимых для массового оседания кочевников. Следствием его был, насколько об этом позволяют судить имеющиеся данные, только ряд походов тюрков в оседлые оазисы Среднеазиатского междуречья, предпринимаемых с чисто грабительскими целями. В описаниях Средней Азии, содержащихся в династических историях, а также в записках Сюань-Цзана и Хой Чао нет никаких указаний о наличии тюрков (кочевых или оседлых) в пределах долины Зеравшана, Осушаны, Южной Ферганы и Кашка-дарьинского оазиса. Что касается Тохаристана, то здесь, по данным Сюань-Цзана, в 630 г. имелись тюркские династии в Шумане и Ахаруне. По данным Тан-шу и записок Хой Чао, в VIII в. тюркские династии правили в Кумед, Хуттале и, судя по характеру имен, также в Вахане. Однако наличие самих тюрков отмечено только для Хутталя.

Таким образом, данные китайских источников говорят о том, что в VII в. — начале VIII в. в пределах долины Зеравшана, Осушаны, Южной Ферганы и Кашка-дарьинского оазиса значительных групп тюрков не имелось. В Тохаристане какое-то количество тюрков обитало в Хуттале и, кроме того, тюркские династии правили в Кумед, Шумане и Ахаруне. В арабоязычных источниках, описывающих завоевание Средней Азии арабами, мы также не имеем никаких данных о наличии сколько-нибудь значительных групп тюрков на интересующей нас территории. Участвовавшие в борьбе с арабами большие тюркские отряды, повидимому, в большинстве случаев приходили извне, — в частности, из степей, расположенных за Сыр-Дарьей. На основании некоторых косвенных данных можно предполагать, что лишь на окраинах Кашка-дарьинского, а, возможно, и Бухарского оазиса в VIII в. обитали группы тюрков. При

этом неизвестно, были они кочевниками или оседлыми. В географической литературе X в. мы также не встречаем данных о наличии тюрок в центральной, равнинной части Среднеазиатского междуречья. Мавераннахр, являющийся определенной территорией с относительно точно описываемыми границами, выступает в них как область пограничная с тюрками. В пределах Тохаристана, — в Хуттале, по данным Худūd ал-'Алем, в X в. обитало небольшое племя кенджине, которое составитель этого источника относит к тюркам; однако по другим данным (ал-Хуваризми) это были не тюрки, а отороченные эфталты. Можно было бы предполагать, что арабоязычные авторы не обращали внимания на наличие или отсутствие тюрок в описываемых ими областях. Однако такое предположение не может считаться правильным вследствие того, что в описаниях ряда областей, лежащих южнее Аму-Дарьи, эти же авторы совершенно определенно говорят о наличии в них тюрок. Такое же положение имеет место и в китайских источниках.

Из всего вышесказанного очевидно, что по данным письменных источников (китайских и арабоязычных) в VII—X вв. на территории долины Зеравшана, Осрушаны, Южной Ферганы и Кашка-дарьинского оазиса значительного по своей численности тюркского населения еще не было. На территории Тохаристана тюрок, вероятно, было больше, чем в вышеуказанных областях, но также ограниченное количество.

Археологические материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, вполне согласуются с этим заключением: данных об оседании больших групп тюрок на интересующей нас территории они не дают; следует, однако, отметить, что вопрос о наличии кочевых тюрок в составляющих ее областях, — особенно на окраинах и в предгорьях, пока еще не может быть разрешен. Вполне возможно, что именно здесь будут обнаружены памятники, связанные с переходившими на оседлость тюрками. Таким образом, имеющиеся в настоящее время данные свидетельствуют о том, что в VII—X вв. значительного по своим размерам оседания тюрок на интересующей нас территории не было¹. Вследствие этого мы вправе считать, что роль их в сложении таджикской народности была незначительна. При оценке относительной роли тюрок в этом процессе следует учитывать также одно важное обстоятельство. Этнографические наблюдения показывают, что в Средней Азии оседание кочевников, как правило, происходит компактными группами, устойчиво сохраняющими свою изолированность от окружающего иноязычного населения. Это явление, без сомнения, имело место и в прошлом.

* * *

Первые походы арабов за Аму-Дарью начались еще в последней четверти VII в., но носили чисто грабительский характер. Власть хорасанских наместников в этот период не распростравлялась за реку, и арабских гарнизонов там не было. Лишь после удачных походов, осуществленных в 705—715 гг. Кутейбой ибн Муслимом, ставившим перед собой задачей не только грабеж, но и завоевание Средней Азии, известное количество арабов обосновалось на этой территории. Это было связано в первую очередь с водворением гарнизонов в крупных городах. Уже в 705 г. Кутейба ибн Муслим, взяв Пайкент, назначил правителем города араба и оставил

¹ Следует строго различать вопрос о количестве оседавших тюрок и вопрос о количестве обитавших в пределах Среднеазиатского междуречья тюрок-кочевников.

при нем небольшой гарнизон¹. В 712 г. Кутейба взял Бухару и приказал жителям отдать арабам половину домов в городе. В очищенных кварталах были размещены арабы, составлявшие гарнизон, причем размещение их производилось в соответствии с племенным делением. По отдельным арабским племенам (Бену Са'д, Бену Асад и др.) в дальнейшем именовались некоторые ворота города.

В 713 г., после взятия Самарканда, Кутейба, по одной из приведенных у Табари версий, приказал местным жителям полностью очистить город и разместил в нем свои войска². Уходя из Самарканда в Мерв, Кутейба оставил в нем большой гарнизон во главе со своим братом Абдаллахом и приказал ему впускать местных жителей только на день³. Однако, судя по дальнейшим событиям и более поздним данным, жители вскоре снова возвратились в город. Гарнизон, который арабы держали в Самарканде, был, повидимому, самым большим во всей Средней Азии. Во время восстания 728—729 гг. Самарканд был единственным крупным городом, оставшимся в руках арабов; гарнизон, находившийся в нем, насчитывал более 12 000 человек⁴. Однако общее число арабов, составлявших гарнизоны, размещенные в городах Средней Азии, было сравнительно невелико и вряд ли превышало 30 000—40 000 человек. Определенные группы арабов, повидимому, обосновались в VIII в. или несколько позднее также в сельских местностях. Об этом свидетельствуют встречающиеся в источниках арабские наименования населенных пунктов в различных областях Среднеазиатского междуречья⁵. Однако число таких населенных пунктов ограничено, что указывает на незначительность арабского населения в сельских местностях. Источники X в. не содержат подробных данных о расселении арабов в Среднеазиатском междуречье, но отмечают, что во всех городах имеются группы иеменитов. В частности, о Бухаре указывается, что население в ней смешанное — частично из арабов, частично из неарабов⁶. Я'куби особо отмечает, что в Осурушане арабы длительный период не селились, так как местное население не пускало их туда; однако в X в. они проникли и в эту область.

Исходя из всей совокупности имеющихся данных, можно с уверенностью говорить о том, что количество обосновавшихся в Среднеазиатском междуречье арабов было сравнительно невелико. Арабы в основном обитали в городах, где составляли первоначально гарнизоны. Вероятно, такое же назначение имели на первых порах и арабские поселения в сельских местностях.

* * *

Арабы принесли с собой в Среднюю Азию свой язык и свою религию. Арабский язык всячески насаждался правителями и наместниками, но в конечном итоге не получил массового распространения. Однако он

¹ Та б а р и, II, стр. 1187 (после ухода Кутейбы жители восстали и убили правителя и его отряд, за что город был затем разграблен, а население его перебито).

² Там же, стр. 1245, 1246.

³ Там же, стр. 1252.

⁴ Там же, стр. 1540 (с этим количеством воинов выступил правитель Самарканда Саура ибн ал-Хурр на выручку окруженного в горах ал-Джунейда ибн Абдаррахмана).

⁵ Крепость Умм Джафар около Фараба (Ибн Хордадбех. BGA, VI, стр. 25); замок Алкамы в 2 фарсах от Самарканда на пути в Бухару (там же, стр. 26); Наукад Курейш — в Кашка-дарьинском оазисе (Ибн Хаукаль. BGA, II, стр. 376); несколько деревень, населенных арабами, имелось в рустаке Вадар (Ибн Хаукаль. BGA, II, стр. 373).

⁶ Я'к у б и. BGA, VII, стр. 292.

оказал определенное влияние на лексику таджикского языка, что засвидетельствовано наличием в ранних литературных произведениях на этом языке известного количества арабизмов.

Насаждение ислама велось арабами с первых же их походов в Среднюю Азию; при этом использовались все возможные средства, начиная от уплаты небольшой суммы за посещение мечети и кончая прямым насилием. Исламизация населения Среднеазиатского междуречья произошла в основном уже после завоевания его арабами и подавления восстания Мукабны.

В X веке весь Мавераннахр рассматривался как территория, населенная правоправными мусульманами в противоположность северным степным областям, где обитали кочевые турки. Победа ислама внесла определенные изменения в культуру населения интересующей нас территории, причем изменения в основном отрицательного порядка. В частности, именно с этим связан постепенный упадок ряда отраслей изобразительного искусства, находившихся до этого на весьма высоком уровне. В культурном отношении арабы, несомненно, стояли на более низком уровне развития, чем население Среднеазиатского междуречья. Вследствие этого никакого вклада в культуру складывавшейся таджикской народности они не могли внести. Наоборот, они сами воспринимали культуру местного населения и сравнительно быстро ассимилировались с ним. Об этом весьма определенно свидетельствуют слова Джахиза, говорящего, что сыновья поселившихся в Фергане арабов уже ничем не отличаются от коренных жителей этой области — ни по облику, ни по одежде¹.

Все изложенное дает право считать, что арабы не составляли существенного дополнительного компонента в процессе сложения таджикской народности.

* * *

Вместе с арабами, в качестве их клиентов, на территорию Среднеазиатского междуречья явились также персы, жители Хорасана, сарийцы и представители населения других западных стран. Персов в составе арабских войск было, без сомнения, немало, но в то же время ни в одном из имеющихся в нашем распоряжении источников не содержится упоминаний о группах выходцев из Персии, явившихся в этот период в Среднюю Азию. В связи с этим следует отметить, что говорить о каком-либо значительном по своим размерам переселении персов в Среднюю Азию в период завоевания ее арабами, как это делают некоторые исследователи (в частности, В. В. Бартольд), нет реальных оснований². Такого переселения, насколько об этом позволяют судить источники, не

¹ *Tria opuscula auctore al-Djahiz Basrensi* (изд. Ван Влотена). Leyden, 1903, стр. 40.

² Мнение о том, что в период завоевания Средней Азии имело место переселение персов, возникло в связи с необходимостью как-то объяснить появление таджикского языка в Среднеазиатском междуречье. Поскольку считалось бесспорной истиной, что он появился здесь из Персии, естественно было предполагать, что занесли его сюда именно ее жители. Некоторое количество выходцев из Персии проникло в Среднюю Азию в III и V вв. н. э., когда сюда бежали отдельные сторонники Мани, а затем маздакиты. Однако в данном случае также не имело места массовое переселение персов в Среднеазиатское междуречье. Отдельные представители населения Персии, очевидно, обосновались здесь также для поддержки торговых связей, в частности, транзитной торговли китайским и восточнотуркестанским шелком,

было и в последующий период. В силу этого мы вправе исключить персов из рассмотрения: никакой роли в сложении таджикской народности на территории Среднеазиатского междуречья они не играли.

* * *

Завоевание Средней Азии было начато арабами уже после того, как они подчинили себе Хорасан и прочно обосновались в нем. Судя по всей совокупности данных, которые имеются в разных источниках, описывающих события последней четверти VII — начала VIII в., число обосновавшихся здесь арабов было сравнительно велико. Однако войска, действовавшие в Мавераннахре в период систематического завоевания его, состояли далеко не только из одних арабов: значительную, — а, весьма вероятно, даже и большую, — часть составляли клиенты отдельных арабских племен, в частности выходцы из коренного населения Хорасана. Клиенты постоянно фигурируют в источниках наряду с арабами, как важные действующие лица в событиях VIII в. Многие из них занимали весьма видное положение и играли большую роль во вспыхивавших время от времени раздорах между представителями разных арабских племен¹.

Пополнение арабских войск, несших в сражениях с населением Средней Азии большие потери, шло, с одной стороны, за счет Хорасана, а с другой стороны, путем включения отрядов из покоренных областей. Система использования вспомогательных войск была введена Кутейбой ибн Муслимом и, судя по всему, сохранилась до середины VIII в. В 715 г., во время восстания войска против Кутейбы, в нем насчитывалось более 10 000 неарабов, в числе которых были также согдийцы и турки². Однако выходцев из Хорасана, обосновавшихся в рассматриваемый период на интересующей нас территории, было сравнительно мало. Никаких переселений — добровольных или насильственных — жителей Хорасана в Среднеазиатское междуречье не было. Некоторый приток их, несомненно, имел место в IX—X вв., в период возвышения тахиридов и саманидов; но это были небольшие группы бюрократии и придворных, не вносившие сколько-нибудь заметного изменения в состав населения городов. Следует также учесть следующее обстоятельство: переселение сколько-нибудь значительной группы жителей Хорасана в сельские местности Мавераннахра было бы возможно лишь при наличии в последнем свободных орошаемых земель. А таковых, несомненно, не было. Учитывая все сказанное, можно считать, что жители Хорасана также не составили существенного дополнительного компонента в процессе сложения таджикской народности на территории Среднеазиатского междуречья.

основным потребителем которого была Византия. Относительно большое проникновение персов на территорию Тохаристана могло происходить лишь в ранние периоды, когда Тохаристан был подчинен Ирану, но конкретных данных по этому вопросу в нашем распоряжении не имеется.

¹ Например, братья Сабит ибн Кутба и Хурейс ибн Кутба, перешедшие в начале VIII в. в. э. от ал-Мухаллаба ибн Суфры к Мусе ибн Абдаллаху; с ними ушло 300 чашков и арабов, являвшихся их приверженцами (Т а б а р и, II, стр. 1080 и сл.).

² Chronique de Tabari, traduite sur la version persane d'Abou Ali Muhammad Bel'ami par M. N. Zotenberg, IV. Paris, 1874, стр. 209. Рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР, Д182, стр. 436б. Следует отметить, что одной из причин восстания были попытки Кутейбы создать себе прочную военную опору именно из отрядов, сформированных из населения Хорасана, Тохаристана и других областей Средней Азии.

3. СЛОЖЕНИЕ ОБЩНОСТИ ЯЗЫКА ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ

Разрешение вопроса о пути сложения общности языка таджикской народности сильно осложнено тем обстоятельством, что вопрос о месте и времени возникновения таджикского языка является в настоящее время еще дискуссионным. Среди специалистов — лингвистов и филологов до недавнего времени господствовала точка зрения, что таджикский язык не что иное, как новоперсидский язык, принесенный в Среднюю Азию, Хорасан и Северный Афганистан выходцами из Персии в период арабского завоевания¹. В последнее десятилетие была выдвинута другая точка зрения на происхождение таджикского языка; сторонники ее утверждают, что таджикский язык сложился на территории Средней Азии, Хорасана и Северного Афганистана в период до арабского завоевания, а затем, став литературным языком, постепенно распространился на запад, в Персию².

Вполне естественно, что оценить правильность отдельных положений этих двух точек зрения и дать окончательное решение вопроса о месте и времени возникновения таджикского языка должны лингвисты. Для нас существенно то обстоятельство, что неясность в отношении места и времени возникновения таджикского языка не делает неразрешимым вопрос о пути сложения общности языка таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. Мы можем использовать ряд данных о языках, на которых говорило население Среднеазиатского междуречья, Тохаристана и Хорасана в различные периоды, позволяющих предложить его решение хотя бы в самом общем виде.

Наиболее ранние данные о языках населения Средней Азии, которыми мы располагаем в настоящее время, относятся ко II—I вв. до н. э. Это сообщение двух совершенно независимых друг от друга авторов — Страбона и Чжан Цяня, из которых последний лично побывал в Средней Азии в 129—128 гг. до н. э.³ Страбон указывает, что название Арнаны распространяется на области, населенные персами, мидийцами, бактрийцами и согдийцами, вследствие того, что в них говорят на почти одинаковых языках⁴.

Чжан Цянь сообщает, что жители территории от Да-ваня (Ферганы) на запад до Ань-си (Парфии) говорят на отдельных, но весьма сходных между собою языках и при разговоре понимают друг друга⁵. На основании

¹ Эта точка зрения была выдвинута В. Гейгером и впоследствии поддержана А. Мейе, В. В. Бартольд, А. А. Фрейманом и др. А. А. Фрейман в своей последней по выходу в свет работе (Сталинское учение о языке и иранское языкознание. ИАНОЯЛ, т. X, вып. 1, 1951) считает, что персидские говоры начали проникать в Среднюю Азию еще до арабского завоевания — в период активной деятельности манихейцев на Востоке.

² М. Т. Бехар. Сабкшиyasi на тарихи татаввурӣ насри фарси. Тт. I, II. Тегеран, 1942; Е. Э. Бертельс. Персидский — дари — таджикский. СЭ, 1950, № 4; А. Мирасов. Забони адабӣи классики ва муаассаси он бо забони имрузаи тоҷики. Шарҳи Сурх, 1949, № 4. Следует отметить, что ряд доводов и предположений, высказанных Бехаром, неприемлем и неправилен, в частности, попытка искать истоки таджикского языка в согдийском.

³ Чжан Цянь был отправлен в 139 г. до н. э. императором У-ди к большим юэ-чжам с целью склонить их к совместному выступлению против хуну; однако в самом начале своего путешествия на запад он был захвачен последними и около десяти лет прожил среди них в качестве пленника. Затем, воспользовавшись благоприятным случаем, Чжан Цянь бежал в Да-вань (Фергану), откуда прибыл к большим юэ-чжам, обосновавшимся к тому времени в Среднеазиатском междуречье.

⁴ Страбон. География, XI, 2,8 (изд. Meinecke, т. III, стр. 723).

⁵ Шиззи, гл. 123, л. 7а; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. II, стр. 161, 188; Цянь Хяньшун, гл. 95, л. 12а.

этих двух сообщений можно прийти к заключению, что население отдельных областей Среднеазиатского междуречья во II—I вв. до н. э. говорило на весьма близких друг к другу иранских языках. Следует отметить, что указанные сообщения относятся к периоду, когда в Среднеазиатском междуречье уже появились юэ-чжи (тохары); это обстоятельство является косвенным указанием на ираноязычность последних¹. Вопрос о языке тохар, как известно, был предметом многолетней дискуссии между лингвистами, породившей громадную литературу. В настоящее время большинство исследователей пришло к заключению, что язык их относится к сакской группе иранских языков². Насколько широко был распространен этот язык в пределах Средней Азии, мы не знаем. Судя по имеющимся обрывочным данным, относительно большая группа тохар обосновалась в пределах Бактрии, которая уже с IV в. н. э. (а, вероятно, и ранее) стала именоваться Тохаристаном. В более северных областях тохары, видимо, обосновались в значительно меньшем количестве (возможно, относительно большая группа их имела в Фергане). Учитывая эти моменты, можно предполагать, что тохарский язык имел ограниченное распространение в долине Зеравшана, Осрушане и Кашка-дарьинском оазисе, но, вероятно, значительно шире был распространен в Тохаристане; здесь он, очевидно, также сохранялся более длительный период, чем в указанных северных областях³. Письменных памятников кушанского периода с территории Средней Азии в нашем распоряжении в настоящее время еще не имеется (за исключением монет, место чеканки которых не установлено).

Последующий период — I — VI вв. — вообще очень слабо освещен в источниках, вследствие чего и данные о том, на каких языках говорило население отдельных областей Средней Азии в это время, крайне скудны. К IV в. относятся древнейшие памятники на согдийском языке (так называемые согдийские «старые письма»), найденные, однако, не на территории Средней Азии, а в Восточном Туркестане. К V—VI вв. относится древнейший памятник согдийской письменности, найденный на территории самой Средней Азии, — короткая надпись на фрагменте хума, обнаруженном в слое Тали Барзу IV. Основываясь на этих фактах и ряде косвенных данных, можно со значительной долей уверенности предполагать, что в указанный период в долине Зеравшана и, вероятно, также в Осрушане и Кашка-дарьинском оазисе господствовал согдийский язык. В горных районах Тохаристана, очевидно, были распространены иные языки — сакской группы. На каких языках говорили жители Ферганы и равнинной части Тохаристана, нам неизвестно. В Тохаристане, как уже отмечалось выше, можно ожидать переживание тохарского языка вплоть до этого периода, а, возможно, и позднее. В Хорасане, как предполагают некоторые лингвисты,

¹ Если бы язык юэ-чжи был полностью отличен от языков коренного населения Среднеазиатского междуречья, это так или иначе отразилось бы в приведенных сообщениях обоих авторов (в особенности Чжан Цзяя).

² Предположение о принадлежности языка тохар к восточноиранской группе языков было высказано еще Стель-Гольштейном (см. Stael-Holstein. *Tocharisch und die Sprache II*. IAN, 1908, № 18). В дальнейшем это предположение подтвердилось при анализе текстов из Восточного Туркестана. Основные данные см.: St. Konow. *War «tocharisch» die Sprache der Tocharer?* Asia Major, IX, 1933; его же. *Notes concerning Khotanese*. NTS, XIII, 1945; H. Bailey. *Ttāngara*. BSOS, VIII, 1938; P. Pelliot. *Tokharien et koutchéen*. JA, t. 224, 1934; его же. *A propos du «tokharien»*, TP, t. 32, 1936; Van Winkelen. *La problématique tokharien et l'hypothèse de M. Sten Konow*. NTS, XIV, 1946.

³ В связи с этим лингвистам следовало бы обратить внимание на тот факт, что у ряда арабоязычных авторов (в частности, у ал-Бируни) встречаются «тохарские» (тохаристанские) термины, исследование которых могло бы дать ряд интересных фактов о языке населения Тохаристана в VII—X вв.

в IV — VI вв. шел процесс вытеснения парфянского языка говорами, легшими в основу таджикского языка. При этом не исключается возможность, что эти говоры имели также некоторое распространение в пределах Среднеазиатского междуречья и Тохаристана.

В IV в. в Среднеазиатское междуречье и Тохаристан начали проникать хиониты-эфталиты, постепенно оседавшие здесь в сравнительно большом количестве. Язык, на котором говорили хиониты-эфталиты, по всей вероятности, был иранский. Сколь широко он распространился на интересующей нас территории, в настоящее время неизвестно; однако сравнительно быстрая ассимиляция хионитов-эфталитов с коренным населением и полное отсутствие в источниках IX—X вв. каких-либо указаний о переживании их языка до этого периода свидетельствует о том, что он в конечном результате полностью исчез, будучи вытеснен местными языками. Вследствие этого мы имеем достаточные основания предполагать, что оседание хионитов-эфталитов в пределах Средней Азии не вызвало каких-либо существенных изменений в лингвистической карте этой территории. Поскольку хиониты-эфталиты сохраняли в Тохаристане свое этническое лицо дольше, чем в более северных областях, естественно считать, что и язык их сохранялся в Тохаристане дольше, чем в вышеуказанных областях.

* * *

Для периода VII—VIII вв. мы имеем уже значительно больше данных о языках, на которых говорило население Среднеазиатского междуречья, Тохаристана и Хорасана. Это, во-первых, данные китайских и арабоязычных источников и, во-вторых, ряд памятников на согдийском языке, происходящих с территории Среднеазиатского междуречья. На основе этих данных мы можем приблизительно наметить области распространения разных языков на указанной территории в VII—VIII вв.

Согласно запискам Сюань Цзана¹, проехавшего через Среднюю Азию и Северный Афганистан в 630 г., обширная территория от Суяба до Кеша именовалась Су-ли (Согдом), и это же название носили язык и письменность ее населения. В географическое понятие Су-ли — Согда, по данным, содержащимся в этих записках, входили долина Зеравшана, Осурушана, Кашка-дарьинский оазис и Чач. Не включались в него Хорезм и Фергана, где, как указывает Сюань Цзан, говорили на своих особых языках. Южнее Кеша, точнее — «железных ворот», начиналась территория Тохаристана, в который входили Термез, Чаганиан, Ахарун, Шуман, Кобадиян, Вахш, Хуттал, Кумед, Шугнан и ряд областей, лежащих южнее Аму-Дарьи в пределах Северного Афганистана. Здесь, в Тохаристане (исключая Шугнан), говорили на своем, тохаристанском языке, несколько отличавшемся от языков других областей. Поскольку Сюань Цзан ехал с севера на юг, естественно, что сравнение языка Тохаристана производилось им с языками более северных областей и, в первую очередь, с согдийским. Далее в его записках отмечается, что в Шугнани и Бамиани говорят на языках, несколько отличных от тохаристанского, а язык Каписы сильно отличается от последнего. На ином (чем тохаристанский) языке говорили также в области Шан-ми, локализуемой в пределах Читрала. Из приведенных выше данных Сюань Цзана очевидно, что в первой половине VII в. согдийский язык господствовал в долине Зеравшана, Осурушане, Кашка-дарьинском оазисе и Чаче, а также был широко распространен в степных областях севернее Сыр-Дарьи вплоть до Иссык-Куля. Последнее является прямым результатом интенсивной колонизации согдийцами этих обла-

¹ S. Beal. Si-yu-ki. т. I, Лондон, 1884, стр. 26 и след.

стей, имевшей место на протяжении V—VII вв. В Тохаристане в первой половине VII в. говорили на особом языке, несколько отличном от согдийского; характер сопоставления этих языков у Сюань Цзана позволяет предполагать, что язык Тохаристана также был иранский.

Особые локальные языки, но опять-таки, повидимому, иранские, имелись в Хорезме, Фергане, Шугане, Бамiane и Читрале. В Каписе, расположенной южнее Тохаристана, говорили на языке, сильно отличавшемся от тохаристанского; поскольку этот язык, по данным Сюань Цзана, сильно отличался и от индийских языков, можно предполагать, что он также был иранским. В точности данных Сюань Цзана нет оснований сомневаться, так как записки составлены им на основе личных наблюдений и сведений, собранных на месте. Но указания его о степени отличия одного языка от другого, конечно, должны рассматриваться лишь как относительные. Вследствие этого реальная разница между согдийским и тохаристанским языками остается для нас неизвестной. Относительно упоминаемых Сюань Цзаном особых языков в Шугане и Читрале можно предполагать, что они соответствуют тем языкам, которые сохранились до настоящего времени в этих областях. Что касается языка Хорезма, то это, несомненно, тот хорезмийский язык, который нам известен по данным, извлеченным из арабоязычных источников и на котором написаны пока еще не расшифрованные документы из Топрак-калы.

В 728 г. н. э., т. е. почти через сто лет после Сюань Цзана, через Среднюю Азию и Афганистан проехал другой китайский паломник — Хой Чао, также составивший весьма интересные для нас записки¹. Хой Чао объединяет в одну группу шесть основных владений Среднеазиатского междуречья — Ань (Бухарский оазис), Цао (вероятно, Осрушана), Ши (Кеш), Ши-ло (Чач и Илак?), Ми (Маймург) и Кан (самаркандский Согд) и дает краткое описание всех их вместе. Относительно языка населения этой территории в его записках указано, что он отличен от языков других владений². Поскольку Хой Чао, в отличие от Сюань Цзана, ехал не с севера на юг, а с юга на север, сравнение языка указанных владений производилось им с языками областей, лежащих южнее Кеша. Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что в начале VIII в. в долине Зарафшана, Осрушане (?), Кашка-дарьинском оазисе и Чаче господствовал один и тот же язык, которым, бесспорно, является согдийский. Далее, можно предполагать, что южнее Кашка-дарьинского оазиса этот язык сколь-нибудь значительного распространения не имел. Относительно языка, на котором говорило в этот период население Ферганы, Хой Чао указывает, что он отличен от языков остальных владений³. С языками каких конкретных территорий производится в данном случае сравнение, не указано; однако, поскольку описание Ферганы помещается после описания упомянутых выше шести владений, можно предполагать, что сравнивается язык ее с языком, распространенным в последних. Во всяком случае очевидно, что язык, на котором говорили в Фергане в первой четверти VIII в., был отличен от согдийского.

О языке Тохаристана Хой Чао сообщает, что он отличен от языков других владений, но несколько сходен с языком Каписы⁴. В Хуттале, который

¹ W. Fuchs, Huei-Ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien im 726. SPAW, 1938.

² Там же, стр. 467: «Язык неодинаков [с языками] всех [других] владений».

³ Там же, стр. 467: «Язык особый, неодинаков [с языками] остальных владений».

⁴ Там же, стр. 465: «Язык иной, чем [языки] всех [других] владений, притом немного сходен с [языком] владения Цзи-биш, но во многом различен [и] неодинаков [с ним]».

этот автор выделяет из Тохаристана, население состояло, по его данным, частично из «ху», а частично из тюрков; в соответствии с этим здесь имелось несколько языков — тохаристанский, тюркский и «местный»¹.

Последнее указание представляет особый интерес, так как свидетельствует о том, что в пределах Хуттале, наряду с господствовавшим во всем Тохаристане языком, имел распространение также какой-то иной, отличный от него язык. Учитывая то обстоятельство, что Сюань Цзан никаких данных о наличии этого второго языка в Хуттале не сообщает, можно предполагать, что этот язык имел лишь локальное значение, а господствующим был тохаристанский. Весьма возможно, что это был один из языков сакской группы, распространенный в прошлом в Дарвазе и Каратегине, но не сохранившийся до наших дней. Далее Хой Чао указывает, что в Шугане, Вахане и Бамане говорили на особых языках, отличных от языков других областей.

Язык, на котором говорили в Каписе, характеризуется им, как имеющий много сходного с языком Тохаристана; в данном случае мы сталкиваемся с противоречием, ибо, как уже отмечалось выше, тохаристанский язык характеризуется им, как сильно отличающийся от языка Каписы. Установить, какая из этих двух характеристик правильнее, невозможно, но в обоих случаях мы имеем основания говорить о более или менее значительной близости обоих языков друг к другу. Следует также отметить, что Хой Чао характеризует язык Персии (Бо-сы), как особый, отличный, от языков остальных областей и владений². Речь в данном случае идет, несомненно, о глубинной Персии, так как указывается, что Бо-сы лежит в месяце пути от Ту-хо-ло на запад.

Если сопоставить данные о территории распространения отдельных языков, содержащиеся в записках Сюань Цзана, с соответствующими данными, сообщаемыми Хой Чао, то легко убедиться, что они в основном совпадают друг с другом. Это обстоятельство позволяет наметить следующую приблизительную схему распространения отдельных языков на интересующей нас территории в VII в. — первой четверти VIII в. по данным китайских источников: долина Зеравшана, Кашка-дарьинский оазис и Чач — области господства согдийского языка; Фергана — область со своим, по всей вероятности, принадлежащим к иранской семье языком³. Тохаристан — область господства особого языка, отличного от согдийского (в Хуттале этот язык сосуществовал с каким-то «местным», возможно, сакским языком); Шуган, Вахан и Баман — области, в которых говорили на особых языках (повидимому, языки Шугана и Вахана следует считать сакскими, поскольку к этой группе относятся сохранившиеся до нашего времени локальные шуганский и ваханский языки); Каписа — область господства особого языка, сходного с тохаристанским. К сожалению, никаких данных о языке, на котором говорили в этот период на территории Хорасана, в китайских источниках не имеется. Для нас в данном случае наибольшее значение имеет вопрос о том, что скрывается

¹ Там же, стр. 453: «Язык частично тохаристанский, частично тюркский [,а] частично местный». Термин «ху» обычно прилагается в китайских источниках этого времени к ираноязычному населению Средней Азии и Восточного Туркестана.

² Там же, стр. 486.

³ В одном из дошедших до нас отрывков из сочинения Пэй Цаюя (VII в. н. э.) имеется следующее указание относительно Ферганы: «Родовое имя царя Су-сэ-ни, собственное имя Ди-ши-пань-то; на протяжении [многих] поколений преемственность не прерывалась» (ТШЦЧ, VIII, 59, л. 76). Личное имя царя Ферганы, упоминаемого здесь Пэй Цаюем, Ди-Ши-пань-то (Tiei-si-b'uân-d'ä), очевидно, являющееся транскрипцией Тийльбада, — несомненно, иранское.

под названием «тохаристанский язык». Некоторые данные для решения этого вопроса могут быть извлечены из арабоязычных источников. В 737 г. наместник Хорасана Асад ибн Абдаллах вторгся в Хутталъ, где потерпел крупное поражение в столкновении с призванными местным владетелем на помощь тюркешами. По этому поводу жители Тохаристана сочинили стихи, которые дошли до нас в сочинении Табари¹. По единогласному мнению специалистов-лингвистов, эти стихи написаны на таджикском языке. Этот факт свидетельствует о том, что в начале VIII в. на территории Тохаристана таджикский язык имел более или менее значительное распространение. Следует отметить, что указанное стихотворение, сочиненное, по всей вероятности, не профессионалом-поэтом, пользовалось большой популярностью среди населения (об этом свидетельствует то, что оно приводится у Табари трижды с некоторыми вариантами). При описании событий 737 г. в Хуттале Табари упоминает несколько географических названий, из которых особый интерес представляют три: Сурх-дара (سرخ دره), Хушвараг (خوشواراغ) и Гуриян (غوریان)². Из них два первых, несомненно, таджикские по форме, а третье не вполне ясно. Эти названия также свидетельствуют о том, что таджикский язык имел в Хуттале в этот период более или менее значительное распространение. В связи с этим заслуживает большого внимания объяснение термина «дари»³, которое впервые дается автором VIII в. н. э. Ибн Мукаффой. Здесь указывается, что «преобладает в нем из говоров жителей Хорасана и Востока говор жителей Балха»⁴. Это же указание почти дословно повторяется и у более поздних авторов: у ал-Хуваризми⁵ и Якута. Из этого можно сделать заключение, что в представлениях арабоязычных авторов VIII—X вв. таджикский язык по происхождению связывался с территорией Тохаристана и, конкретно, с Балхом. В относительно более позднем по времени составлению словаре Бурхан Кати это представление также нашло свое отражение: здесь указывается, что, согласно одному из существующих объяснений значения термина «дари», это диалект жителей Балха, Бухары, Бадахшана и Мерва⁶. В данном случае Балх стоит на первом месте.

Приведенные выше данные, несмотря на несомненную их ограниченность, позволяют предполагать, что в VIII в. какая-то определенная часть населения Тохаристана (если не все оно целиком) говорила на таджикском языке. В соответствии с этим можно предполагать, что язык Тохаристана, характеризующий Сюань Цзаном и Хой Чао, как отличный от согдийского, является именно таджикским.

* * *

Как уже указывалось выше, по данным китайских источников, в VII—VIII вв. н. э. на территории долины Зеравшана, Осрушаны и Кашкадарьинского оазиса господствовал согдийский язык. Это подтверждается также письменными памятниками, имеющимися с этой территории, которые все [за исключением двух документов из архива Дивастича — одного на

¹ Табари, II, стр. 1492, 1494 и 1603.

² Там же, стр. 1493, 1593.

³ Терминами «дари» и «фарси», как это показали исследования филологов, в среднеазиатских произведениях X—XI вв. именуется таджикский язык.

⁴ Kitab al-Fihrist (изд. Флогеля), т. I, Leipzig, 1871, стр. 13.

⁵ Ал-Хуваризми. Мафатих ал-улум, стр. 117.

⁶ М. Т. Бехар. Ук. соч., т. I, стр. 19.

арабском языке, а второго — на тюркском (?)¹ написаны на согдийском языке. Однако согдийский язык в VIII в. уже не был единственным, на котором говорило население данной территории. Нершахи в своей «Истории Бухары» сообщает, что в Бухаре в первые годы после постройки мечети жителям читали Коран на «фарси», так как они не понимали по-арабски. Далее, он указывает, что в моменты, когда надо было опускаться на колени и совершать поклоны, специальный человек громко объявлял соответствующие приказания, приведенные в тексте в арабской транскрипции¹.

Эти приказания в свое время были определены Розенбергом, как согдийские по языку²; но в настоящее время Бехаром высказано мнение, что их следует относить к «дари»³, т. е. считать таджикскими. Вне зависимости от того, на каком языке давались приказания, очевидно, что раз Коран читали на «фарси», какая-то часть населения Бухары понимала этот язык.

В 728 г. наместник Хорасана Ашрас решил обратить в ислам жителей Мавераннахра, для чего отправил туда некоего Абу-с-Сайда. Он успешно действовал в Самарканде и его окрестностях, но когда Ашрас приказал продолжать взимание джизьи с обратившихся в мусульманство, примкнул к поднявшим восстание местным жителям. В описании этих событий у Табари имеется одна чрезвычайно важная для нас деталь: Абу-с-Сайда первоначально отказывался от возложенной на него миссии, ссылаясь на то, что он «неискусен в фарси»⁴. Этот момент указывает на то, что пропаганда ислама велась в Самарканде, так же как в Бухаре, на этом языке.

Таким образом, мы имеем определенные указания на то, что в начале VIII в. в Бухаре и Самарканде какая-то часть населения понимала таджикский язык, так как под «фарси» в более поздний период подразумевался именно он.

* * *

О том, на каких языках говорило население Среднеазиатского междуречья, Тохаристана и Хорасана в X в., мы имеем сравнительно подробные сведения у Мукаддаси⁵. Этот автор выделяет в Хорасане и Тохаристане пять «основных» языков: нишапурский, бустский, мервский, балхский и гератский, причем отмечает некоторые особенности каждого из них. Далее, он перечисляет ряд «дополнительных» языков, распространенных на этой территории, давая определенные указания о характере взаимоотношений каждого из них с тем или иным из «основных» языков: Туса и Нисы — близкий к нишапурскому, Серахса и Абиверда — близкий к мервскому, Гарчистана — занимающий среднее положение между гератским и мервским, Джузджана — занимающий среднее положение между мервским и балхским, Бамиана и Тохаристана — близкий к балхскому, Мерверруда и Джузджанана — близкий к балхскому и мервскому, термезский — близкий к балхскому. В Мавераннахре Мукаддаси

¹ Description Topographique et Historique de Boukhara par Mohammad Nerchakhy (изд. Шефера). Paris, 1892, стр. 47.

² F. Rosen berg. Sogdica. Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay. Kraków, 1921, стр. 96.

³ М. Т. Б е х а р. Ук. соч., т. I, стр. 229.

⁴ Та б а р и, II, стр. 1507.

⁵ Му к а д д а с и. ВГА, III, стр. 334—335.

выделяет следующие языки: хорезмийский, о котором говорит, что он непонятен, бухарский, который именует «дари», самаркандский, пашский, ферганский и согдийский, занимающий особое место. При этом он отмечает также определенные особенности этих языков, но не указывает характера взаимоотношений их друг с другом. Далее, Мукаддаси указывает, что в рустаках Бухары говорят на языках, сходных с согдийским. Как показал Бехар, все языки, упоминаемые Мукаддаси, — за исключением хорезмийского и согдийского, — являются локальными говорами таджикского языка¹.

Основываясь на данных Мукаддаси, мы можем прийти к заключению, что в X в. большинство населения Хорасана, Тохаристана и Среднеазиатского междуречья говорило уже на таджикском языке, но в то же время в самаркандском Согде и рустаках Бухарского оазиса еще сохранялись согдийские говоры. Это подтверждается также данными другого автора X в. — Истахри. Он указывает, что язык Бухары такой же, как язык Согда, но с определенными особенностями в произношении, а затем добавляет, что среди жителей ее употребляется также «дари»².

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что таджикский язык был для долины Зеравшана, Осушаны и Кашка-дарьинского оазиса пришлым, постепенно вытеснявшим согдийский. Когда началось распространение его на эту территорию, установить пока невозможно. По очевидно, что этот процесс начался, во всяком случае, не позднее VII в. н. э.: в VIII в. таджикский язык понимали в Бухаре и Самарканде. Таджикский язык распространялся в первую очередь в городах, а затем уже, — гораздо медленнее, — в сельских местностях. В последних согдийские говоры сохранялись в X в. и, повидимому, также позднее. Вследствие этого завершение процесса вытеснения согдийского языка таджикским падает уже на период после X в.

В Тохаристане таджикский язык, повидимому, был распространен раньше, чем в вышеуказанных более северных областях Среднеазиатского междуречья. Здесь он также вытеснил в конечном результате другие языки и говоры, которые, вероятно, относились к сакской группе. В числе последних, очевидно, был эфталитский язык и, возможно, также тохарский.

Вопрос о том, с какой территорией распространялся таджикский язык в центральные и северные области Среднеазиатского междуречья, остается в настоящее время открытым. Ряд данных, приведенных выше, как будто говорит за то, что ею мог быть и Тохаристан. Что касается возможности распространения его на север из Хорасана, то здесь необходимо учитывать враждебный характер взаимоотношений между среднеазиатскими властями и сасанидами почти на всем протяжении периода господства последних в Иране. Это положение не могло создать благоприятной обстановки для распространения языка из Хорасана на территории, лежащие севернее Аму-Дарья.

Несмотря на неразрешенность этого весьма важного вопроса, мы вправе считать, что процесс сложения общности языка таджикской народности в Среднеазиатском междуречье носил характер постепенного вытеснения языков восточноиранской группы таджикским языком, относящимся к западноиранской группе (по классификации лингвистов).

¹ М. Т. Б е х а р. Ук. соч., т. I, стр. 244 и сл.

² И с т а х р и. BGA, I, стр. 314 (это же дословно повторено у Ибн Хаукаля. BGA, II, стр. 363).

4. ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩНОСТИ ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ

Процесс образования общности территории таджикской народности, протекавший в период зарождения и становления феодальных отношений, был сложным и противоречивым процессом дробления и объединения государственных образований, существовавших до X в. в пределах всей территории сложения таджиков и в Среднеазиатском междуречье, в частности, завершившимся созданием относительно централизованного саманидского государства. Для того чтобы установить конкретный ход этого процесса, необходимо проследить изменения территориально-государственного членения Среднеазиатского междуречья на протяжении всего периода от кризиса рабовладельческой формации до X в. н. э. Археологические исследования последних 15 лет показали, что кризис рабовладельческой формации в Средней Азии падает на IV—VI вв. н. э. Этот кризис самым непосредственным образом отразился и в политическом членении Средней Азии, что весьма определенно засвидетельствовано китайскими источниками.

В Цзинь-шу¹, отражающей положение, существовавшее во второй половине III в. н. э., еще фигурируют все три основных государства античного периода: Кушанская империя (государство больших юэ-чжей), Кан-гуй и Да-вань. Но в Бэй-ши, в первой части 97 главы², отражающей положение, сложившееся к 435 г. н. э., уже нет ни Кан-гуя, ни Да-вани, а государство больших юэ-чжей выступает как весьма небольшое по своим территориальным пределам; наряду с этим в данном источнике перечисляются 15 небольших владений, расположенных в пределах Среднеазиатского междуречья. Таким образом, очевидно, за период IV в. — первой трети V в.³ произошел полный распад больших государств античного периода и образовался целый ряд небольших владений. Этими владениями являются:

1. Чже-чжи-ба с одноименной столицей, расположенное западнее Су-лэ (Кашгара) в 11 620 ли от Дай⁴.
2. Ми-ми с одноименной столицей, расположенное западнее Чже-чжи-ба в 12 100 ли от Дай.
3. Си-вань-цзинь с одноименной столицей, расположенное западнее Ми-ми в 12 720 ли от Дай.
4. Ню-ми с одноименной столицей, расположенное западнее Си-вань-цзинь в 12 820 ли от Дай.
5. По-ло-на⁵ со столицей Гуй-шань, расположенное северо-западнее Су-лэ в 14 450 ли от Дай.
6. Су-дэ, расположенное северо-западнее Кан-гуя, в 16 000 ли от Дай; столица не названа.
7. Ше-чжи-сянь с одноименной столицей, расположенное северо-западнее Си-вань-цзиня в 12 940 ли от Дай.

¹ Цзинь-шу, гл. 97, л. 96—10а.

² О составе главы 97 Бэй-ши и датировке первоисточников ее см. A. Herrmann. Die ältesten chinesischen Karten vom Zentral- und Westasien OZ 1920, стр. 189.

³ Бэй-ши, гл. 97, л. 116—146.

⁴ Да-тув-фу — столица северных Вэй.

⁵ Полная форма по Вэй-шу.

8. Цзя-ше-ни с одноименной столицей, расположенное южнее Си-вань-цзини в 12 900 ли от Дай.

9. Моу-чжи с одноименной столицей, расположенное юго-западнее Нью-ми в 22 920 (!) ли от Дай.

10. А-фу-тай-хань с одноименной столицей, расположенное западнее Нью-ми в 23 720 (!) ли от Дай.

11. Ху-сы-ми с одноименной столицей, расположенное западнее А-фу-тай-хани в 24 700 (!) ли от Дай.

12. Но-ше-бо-ло со столицей Бо-ло, расположенное южнее Нью-ми в 23 428 (!) ли от Дай.

13. Цзао-цзя-чжи с одноименной столицей, расположенное западнее Нью-ми в 23 728 (!) ли от Дай.

14. Цзя-бу-дань с одноименной столицей, расположенное северо-западнее Си-вань-цзини в 12 780 ли от Дай.

15. Чжэ-шэ, расположенное северо-западнее [По]-ло-на в 15 450 ли от Дай; столица не указана.

Перечисленные владения увязаны друг с другом в тексте в совершенно определенном порядке: часть из них следует непосредственно одно за другим по одной «линии» с востока на запад, часть размещается южнее, юго-западнее и северо-западнее этой «линии». Последняя идет от Су-лэ через Чже-чжи-ба, Ми-ми, Си-вань-цзинь, Нью-ми, А-фу-тай-хань, Ху-сы-ми и, судя по указанию, что Бо-сы расположено западнее Нью-ми, заканчивается где-то на далеком западе. Она совершенно определенно перекликается с центральным путем на запад по Бэй-ши, проходившим через Су-лэ, зависевшие от него мелкие владения и Да-вань и Ань-си¹ и центральным путем на запад, описанным в начале VII в. и. э. Пэй-Цзюем. Последний шел через Су-лэ, Бо-хань (Фергана), Су-дуй-шану (Осрушана), Кан (самаркандский Согд), Цао (Иштияхан), Хэ (Кушания), Большой Ань (Бухара), Малый Ань (Харкана?), Му (Амуль?) и далее в Бо-сы². Вследствие этого мы можем считать, что перечисленные в Бэй-ши владения в общем размещены в соответствии с реальными путями, функционировавшими в V в. н. э.

В большинстве названий этих владений мы можем опознать те, которые известны для более позднего периода (VII—VIII вв. н. э.).

Из числа владений, лежащих на указанной «линии», с легкостью устанавливается соответствие Си-вань-цзини Самарканду: за это говорит, во-первых, само древнее звучание этого названия: Siat(ə)-mji³-n-kjiaп и, во-вторых, указание Тан-шу, что при Юань-Вэй Кан именовался Си-вань-цзинь³.

Расстояние между Си-вань-цзинью и Су-лэ (Кашгаром) составляет по Бэй-ши 12 720—11 250 = 1470 ли. В VII в. (суммируя указания Сюань-Цзана и Тан-шу) расстояние между Самаркандом и Кашгаром исчислялось приблизительно в 1900 ли, вследствие чего данные Бэй-ши представляются сомнительными.

Два владения, лежащие между Су-лэ и Си-вань-цзинью — Чже-чжи-ба и Ми-ми — не поддаются отождествлению с какими-либо более поздними. Положение первого из них неясно, так как расстояния указаны явно очень неточно; весьма вероятно, что искать его следует где-то в Южной

¹ E. Chavannes. Les pays d'occident d'après le Wei-liou. TP, VI, 1905, стр. 339.

² J. G. Leber. Leben und Werk des P'ei-kü. OZ, IX, 1921, № 3/4, стр. 225.

³ Тан-шу, гл. 221Б, л. 1а.

Фергаве. Мя-ми можно предположительно, локализовать где-то в Осрушане¹.

Ню-ми, лежащее западнее Си-вань-цзини, с полной достоверностью локализуется в пределах Бухарского оазиса, так как Тан-шу указывает, что Бу-хо при Юань-Вэй именовалось Ню-ми². Как уже отмечал Маркварт, отождествлять город Ню-ми с Бухарой нет оснований и наиболее вероятно, что в данном случае мы имеем транскрипцию названия Нумичкет³.

Из трех владений, лежащих западнее Ню-ми, — А-фу-тай-хань, Цао-цзя-чжи и Ху-сы-ми — последнее, может быть, на основании фонетического сходства, отождествлено с Хорезмом⁴. При этом, конечно, становится очевидной неправильность ориентации Ху-сы-ми относительно Ню-ми: Хорезм лежит не западнее, а северо-западнее Бухарского оазиса⁵. А-фу-тай-хань и Цао-цзя-чжи не могут быть отождествлены с какими-либо известными нам названиями более позднего периода, и положение их неясно, тем более что расстояния их от Дай фантастически большие, уводящие по меньшей мере на Кавказ⁶. Но, по всей вероятности, их следует помещать где-то в Хорезмийском оазисе.

Владение Цзя-бу-дань, помещаемое Бэй-ши северо-западнее Си-вань-цзини (Самарканда), мы можем, учитывая древнее звучание его, отождествить с Кабуданчкетом, лежавшим в 2 фарсах от Самарканды; расстояния в тексте (60 ли), очевидно, следует считать, как и в предшествующих случаях, неправильным⁷.

Ше-чжи-сянь, лежащее северо-западнее Си-вань-цзини, отождествляется с достаточной определенностью с Иштиханом на основании фонетического сходства названий⁸.

Цзя-ше-ни, расположенное южнее Си-вань-цзини, опять на основании фонетического сходства названий, следует отождествлять с Кушанией-Кешем⁹.

¹ Совершенно неприемлема попытка Маркварта (J. Marquart und M. De Groot. *Das Reich Zabul und der Gott Zün vom 6—9 Jahrhundert*. Festschrift Ed. Sachau. Berlin, 1915, стр. 252) связать Чже-чжи-ба с Чачем, как не имеющая никаких реальных оснований. Так же неверно отождествление Бронниковым Ми-ми с кишлаком Дамбурачи в Каратегине (!) не обоснованное фактическими данными (Н. А. Бронников. К исторической географии тохаров. ЗМАН, т. 35, 1914, стр. 14).

² Тан-шу, гл. 221Б, п. 16.

³ J. Marquart. *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften*. Leipzig, 1898, стр. 96.

⁴ Хуо-зи-мйіәт.

⁵ Расстояние между Ню-ми и Ху-сы-ми в Бэй-ши 24 700 — 12 820 = 11 880 ли (!) явно фантастично.

⁶ Маркварт (*Das Reich Zabul...*, стр. 254) предложил разделить название А-фу-тай-хань на две половины и переводить, как «государство великого хана А-фу». Это представляется абсолютно нереальным, так как никакого «великого хана» не может быть, поскольку столица этого владения также именуется А-фу-тай-хань. В Цао-цзя-чжи и А-фу-тай-хани, вероятное всего, следует видеть какие-то мелкие владения, тем более что расстояния их от Ню-ми почти совпадают.

⁷ g'jja = rušt (8)-tān. О Кабуданчкете см. Пестахри. BGA, I, стр. 342; Абу-ль-Фида. Китаб тахвиз ал-булдан (изд. Reimann), стр. 483 (цитата из не дошедшего до нас труда Ибн ал-Аспра), где дается огласованная форма: *كبودنچكت*. Отождествление предложено было уже Шпратори (*A study on Su-te...*, стр. 111).

⁸ Предложено было уже Шпратори (ук. соч., стр. 111) и находят достаточное подтверждение в восстанавливаемом древнем звучании (šjak-t'ŋe-xien). Расстояние в 220 ли следует считать неверным.

⁹ Предложено также Шпратори (ук. соч., стр. 124); древнее звучание g'jja-šjak nji (piäi) вполне подтверждает его.

Но-ше-бо-ло, лежащее южнее Нью-ми в 10 608 (?) ли от него, следует отождествлять с Нехшебом¹, но с известной оговоркой, обусловленной написанием конечного «ло». Установить причину наличия его пока невозможно, но первые три знака полностью совпадают с транскрипцией Нехшеба в более поздних источниках.

Моу-чжи, лежащее юго-западнее Нью-ми в 10 100 (!) ли от него, отождествить с более поздними названиями довольно трудно вследствие двусоставного характера его. По положению (отбрасывая фантастическое расстояние) его следует искать где-то на окраине Бухарского оазиса или уже на Аму-Дарье. Весьма вероятно, что его можно, вслед за Ширатори, отождествлять с Амулем².

Владение [По]-ло-на, лежащее северо-западнее Су-лэ (Кашгара), в Бэй-ши прямо отождествляется с Даванью, т. е. с Ферганой; кроме того, [По]-ло-на является первой по времени попыткой транскрипции этого названия³. В какой мере это владение соответствовало территории античной Даванн, нам неизвестно, но, судя по тому, что оно не фигурирует на вышеуказанной «линии» — пути из Су-лэ в Бо-сы, можно предполагать, что пределы его были меньше, чем последней⁴.

Чжэ-шэ именуется в Бэй-ши «древним государством Кан-гуй». То, что мы имеем здесь уже название Чач, — не подлежит сомнению: об этом свидетельствует древнее звучание знаков⁵, положение западнее Ферганы и данные Тан-шу (см. ниже). Границы этого владения нам неизвестны, но никаких данных за включение в его состав какой-либо части Среднеазиатского междуречья не имеется. Наконец, Су-дэ, по всей вероятности, следует локализовать в долине Зеравшана между Бухарой и Самаркандом⁶.

О территории Южного Таджикистана в первой части 97-й главы Бэй-ши не имеется никаких прямых данных. В ней фигурирует государство больших юэ-чжей (без указания границ), в котором есть все основания видеть позднекушанское государство кидаритов: в описании его указывается, что царь Ци-до-ло из-за нападений жуань-жуаней перенес столицу из города Юн-лань-ши в город Бо-ло, а затем ушел в Северную Индию⁷. Об этом событии имеются данные и в другой части 97-й главы Бэй-ши, восходящей к более позднему по времени первоисточнику: в описании государства малых юэ-чжей говорится, что Ци-до-ло ушел на запад под давлением Хун-ну⁸.

Поскольку Ци-до-ло ушел на запад из Юнь-лань-ши — старой столицы кушан, находившейся где-то в Северном Афганистане, а жуань-жуань и гунны никогда не проникали на эту территорию, под хун-ну в данном случае могут подразумеваться только кидариты. Мы имеем основания считать, что кидаритское государство в том или ином виде существовало до 467 г. н. э.: за это говорит, во-первых, наличие описания государства

¹ Расстояние в 10 608 ли явно фантастическое. Ориентация относительно Нью-ми свидетельствует о том, что Но-ше-бо-ло лежало где-то вблизи от Бухарского оазиса и, во всяком случае, севернее Аму-Дарьи (иначе оно было бы ориентировано по Балху).

² Ширатори. Ук. соч., стр. 120—122.

³ P'uā-lāk-nā.

⁴ Как указывалось выше, Ми-ми (судя по расстоянию от Си-вань-цзини) следует локализовать в Южной Фергане. Кроме того, столица По-ло-ны находилась в городе Гуй-шань — Касаве, расположенном за Сыр-Дарьей.

⁵ t'sia-d'z'iāt.

⁶ Предположительно Су-дэ можно локализовать в Кушании.

⁷ Бэй-ши, гл. 97, стр. 16а.

⁸ Там же.

больших юэ-чжей в первой, ранней части 97-й главы Бэй-ши и, во-вторых, упоминание кушан и кидаритов в качестве противников Пероза до его столкновения с эфталитами¹. История кидаритского государства очень мало известна; однако на основании ряда данных, в том числе и нумизматических, считается, что время правления самого Кидары падает на третью четверть IV в. н. э.² Соответственно и перенос столицы в Бо-ло³, а также поход его в Северную Индию должны были иметь место в этот же период.

В первой части 97-й главы Бэй-ши фигурирует также владение Бо-чжи, расположенное южнее Цзя-ше-ни (Кушании) в 420 ли от нее (13 320—12 900 ли от Дай). Древнее звучание знаков Бо-чжи В'âk-t'ie и указанные данные о географическом положении позволяют считать, что это владение располагалось на территории Бактрии и граничило на севере с Капка-дарьинским оазисом.

Очевидно, в конце IV в., в связи с уходом Кидары на юг, произошло политическое отделение Бактрии (целиком или частично) от более южных частей кушанских владений. Об этом свидетельствует прежде всего само появление наименования Бо-чжи для территории, ранее входившей в географическое понятие государства больших юэ-чжей, а также появление государства малых юэ-чжей⁴ на юге (с центром в Пурушануре). Во второй части 97-й главы Бэй-ши, восходящей к первоисточнику, составленному, повидимому, около 450 г. н. э., мы встречаемся с новым владением, располагавшимся на территории Южного Таджикистана и Северного Афганистана, — Ту-хо-ло. Это владение граничило на севере с Си-вань-цзинью (самаркандским Согдом), на западе — с Бо-сы (Ираном), на юге — с Фань-ян (Бамнаном), а на востоке было ограничено горной цепью⁵. Оно полностью совпадает с Тохаристаном арабоязычных источников, а само название его — Ту-хо-ло является транскрипцией «тохара». Однако название Ту-хо-ло — Тохаристан появляется в переводах буддийских текстов уже и раньше — в последней четверти IV в. н. э.⁶ Данное обстоятельство позволяет считать, что Ту-хо-ло — Тохаристан было названием северной, основной части территории кидаритского государства, включающей в себя всю Бактрию. Указание Бэй-ши, что Ту-хо-ло граничило на севере с Си-вань-цзинью, свидетельствует о вхождении в его состав Южного Таджикистана и, в определенный период, также Капка-дарьинского оазиса. Таким образом, мы имеем основания предполагать, что в конце IV в. кидаритское государство распалось на две части: северную,

¹ Данные собраны у Маркварта (Egānsāhr, стр. 55—58). В источниках кидариты часто именуются гуннами; это указывает на то, что определенная часть кидаритов уже в первой половине V в. н. э. проникла на территорию Северного Афганистана.

² M. Martin. Coins of Kidara and the Little Kushans. JASB, III, № 2, 1937; R. G. Hirschman. Les Chionites-Hephthalites, стр. 75.

³ Маркварт (ук. соч., стр. 55), основываясь на указании Бэй-ши, что Бо-ло расположен в 2100 ли на запад от Фу-ди-ша, локализует его в Балхане. Однако это представляется весьма маловероятным, так как, с одной стороны, расстояния, приводимые в Бэй-ши, не могут считаться точными, и опираться на них при локализации тех или иных областей и городов невозможно, и, с другой стороны, древнее звучание знаков Бо-ло: В'âk-t'ie заставляет считать, что речь идет о Балхе (ср. P. Pelliot. Tokharien et koutchéen. JA, t. 224, стр. 42).

⁴ Правящая династия государства малых юэ-чжей происходила от сына Ци-до-ло (Кидары).

⁵ Бэй-ши, гл. 97, л. 166. В тексте дана неправильная ориентировка границ, что было отмечено и исправлено уже Марквартом (ук. соч., стр. 214, 215). Столица его Бо-ти (В'âk-t'ie) — Бактра (?).

⁶ Впервые оно имеется в переводе Вибхашашастры, выполненном в 383 г. Сангхабхути, в форме Доу-цзя-лэ (Tsu-k'ia-lak). См. S. Lévi. Notes sur les Indo-Scythes. JA, 1897, стр. 10; Haloué. Zur Üe-tsi Frage. ZDMG, 91, 1937, стр. 277.

включавшую в себя Южный Таджикистан и Северный Афганистан, и южную, ограниченную определенной частью Северной Индии. Территориальные пределы первой — Тохаристана — окончательно оформляются в V в. н. э., но, возможно, и раньше¹.

Политическая карта, сложившаяся в Среднеазиатском междуречье к 435 г., очевидно, сохранялась без существенных изменений до момента возникновения эфталитского государственного образования, относящегося приблизительно к 510 г. н. э. Это государственное образование представляло собой очень сложный конгломерат оседлых и кочевых племен и народностей, в котором политическое первенство принадлежало эфталитской кочевой знати. Центром его был в начале VI в. н. э. город Бадиянь, находившийся в 200 ли южнее Аму-Дарьи (вероятно, около современного Кундуза). Внутреннее устройство эфталитского государственного образования нам неизвестно, но из различных сообщений китайских источников явствует, что отдельные владения представляли дань эфталитам и лишались права самостоятельных сношений с Китаем. Но в то же время в большинстве владений Среднеазиатского междуречья, повидимому, власть сохранялась в руках местных династий. Эфталиты не создали прочного политического единства в Среднеазиатском междуречье, так как после падения эфталитского государственного образования снова выступили на сцену те же владения, которые имелись к началу V в. н. э. Однако вхождение Среднеазиатского междуречья в эфталитское государственное образование не могло не способствовать усилению связей между отдельными владениями и, несомненно, сыграло определенную роль в подготовке политического объединения, существовавшего в VII в. В 60-х годах VI в. эфталитское государственное образование пало под ударами западных тюрок, действовавших в союзе с сасанидским Ираном. Результатом этого события явился переход среднеазиатских владений на положение данников западных тюрок.

По данным Суй-шу, восходящим к записке Пэй Цзюя, составленной в 605—606 гг., Средняя Азия распадалась в начале VII в. н. э. на следующие владения²:

1. Кан со столицей А-лу-ди на реке Са-бао.
2. Ань: столица не названа, но указано, что она лежит на южном берегу реки На-ми (Зеравшан).
3. Би, расположенное в 100 ли западнее Ань и подчиненное ему.
4. Ши, расположенное в 600 ли севернее Бо-хань и в 600 ли северо-западнее Дунь-хуана; столица (не названа) лежала на реке Ио-ша.
5. Бо-хань, расположенное в 1000 ли западнее Су-лэ (Кашгара), в 500 ли восточнее Су-дуй-ша-ны, в 500 ли юго-восточнее Ши и в 5500 ли западнее Дунь-хуана; столица (не названа) находилась в 500 ли западнее Цзун-лина.
6. Ми, расположенное в 100 ли юго-восточнее Кана, в 500 ли западнее Су-дуй-ша-ны, в 200 ли северо-восточнее Ши и в 6400 ли западнее Дунь-хуана; столица (не названа) находилась западнее (южнее) реки На-ми.
7. Ши, расположенное в 240 ли южнее Кана, в 500 ли севернее Ту-хо-ло, в 200 ли восточнее На-ше-бо, в 200 ли юго-западнее Ми и в 6500 ли западнее Дунь-хуана; столица (не названа) лежала в 10 ли южнее реки Ду-мо.

¹ Первое посольство из Ту-хо-ло в Китай прибыло в 465 г.; однако название Ту-хо-ло, как указано выше, появилось раньше. Но в то же время в первой части 97-й главы Бай-ши Ту-хо-ло еще не фигурирует.

² Суй-шу, гл. 83, л. 6а — 12а.

8. Цао, расположенное в 100 ли северо-западнее Кана, в 150 ли восточнее Хэ и в 6600 ли западнее Дунь-хуана; столица (не названа) находилась в нескольких ли южнее реки На-ми.

9. Хэ, расположенное в 150 ли западнее Цао, в 300 ли восточнее малого Ань и в 6750 ли западнее Дуань-хуана; столица (не названа) лежала южнее реки На-ми.

10. У-на-гэ, расположенное в 400 ли юго-западнее Ань, в 200 ли юго-восточнее Му и в 7500 ли западнее Дуань-хуана; столица (не названа) лежала западнее реки У-ху.

11. Му, расположенное в 500 ли юго-западнее Ань, в 200 ли западнее У-на-гэ, в 4000 ли восточнее Бо-сы и в 7700 ли западнее Дунь-хуана; столица (не названа) лежала западнее реки У-ху.

12. Малый Ань; отдельного описания нет.

13. Су-дуй-ша-на; отдельного описания нет.

14. На-ше-бо; отдельного описания нет.

15. Ту-хо-ло, расположенное в 500 ли западнее Цзун-лина и в 5800 ли западнее Дунь-хуана; столица не названа.

Локализация большинства этих владений была установлена еще исследователями XIX в. (Клапротом, Ремюза, Сен-Мартеном, Томашеком, Юлем), а затем уточнена и подтверждена Марквартом, Шаванном и Ширатори.

Кан с полной определенностью отождествляется с самаркандским Согдом, поскольку Тан-шу дает как второе название его Са-мо-цзинь и указывает, что при Вэй оно именовалось Си-вань-цзинь¹.

Владение Ань располагалось в пределах Бухарского оазиса; это очевидно из указания Тан-шу, что вторым его названием было Бу-хо. Однако оно не занимало целиком весь Бухарский оазис, поскольку в 100 ли от него лежало маленькое владение Би, которое принято отождествлять с Пайкентом.

Ши, опять-таки на основании данных Тан-шу, локализуется в Чаче. Кроме того, в пользу этого говорит указание, что столица его лежит на реке Ио-ша (Яксарте) и в 500 ли северо-западнее Су-дуй-ша-ны (Осрушаны).

Бо-хань соответствует Ферганае, причем в первую очередь ее южной части, так как, по данным того же Пэй Цзюя, через это владение проходил центральный путь на запад, в Персию (см. выше).

Ми принято отождествлять с Маймургом арабоязычных источников.

Ши, опять-таки на основании второго названия, указанного в Тан-шу, и расстояний от Ту-хо-ло и Кана, отождествляется с Кешем.

Цао и Хэ, на основании указанных в Суй-шу расстояний от соседних владений и данных Тан-шу, отождествляются с Иштиханом и Кушанией.

У-на-гэ и Му уже выходят за пределы Среднеазиатского междуречья и поэтому местоположение их в данном случае не представляет интереса (оно в настоящее время еще не установлено с достаточной определенностью).

Положение Малого Ань не вполне ясно; его предположительно отождествляют с восточным Ань Тан-шу и Харканом арабоязычных источников.

Су-дуй-шана с полной несомненностью соответствует Осрушане арабоязычных источников: это очевидно из фонетической близости обоих названий² и данных о географическом положении этого владения, имеющих в описаниях Бо-хани и Ми.

¹ Соответствующие данные Тан-шу (о Кане и других владениях) см. ниже.

² Suo-tuâi-ša-nâ.

На-ше-бо, без сомнения соответствует Нешхебу. Что касается Ту-хо-ло, то о территориальных пределах его говорилось уже выше. В данном случае лишь следует отметить, что никаких владений, лежащих между ним и Кашка-дарьинским оазисом, не имеется. Это свидетельствует о том, что в Тохаристан в начале VII в. н. э. еще входил Южный Таджикистан.

Если сопоставить политическую карту Среднеазиатского междуречья в начале VII в., даваемую Пэй Цзюем, с политической картой начала V в., то можно прийти к заключению, что они, в основном, совпадают¹. Это свидетельствует о том, что вхождение Среднеазиатского междуречья в эфталтское государственное образование не повлекло за собой существенных изменений в его внутреннем территориально-государственном членении. Очевидно, каждое владение обладало известной внутренней прочностью, обусловленной определенными экономическими и географическими причинами (положением на крупной ветви пригационной системы, ограниченностью пространств отдельных оазисов и др.).

Но в то же время политическое положение в Среднеазиатском междуречье в начале VII в. н. э. было совершенно иное, чем в начале V в. н. э. Суй-шу сообщает, что Кан (самаркандский Согд) является самым сильным владением, и ему подчинены Ми, Ши, Цао, Хэ, Малый Ань, На-ше-бо, У-на-га и Му². Повидимому, самаркандскому Согду было подчинено и Ань, поскольку все окружающие его владения (в том числе и лежащие на левом берегу Аму-Дарьи) фигурируют как подчиненные Кану³. Таким образом, в начале VII в. н. э. в долине Зеравшана и в Кашка-дарьинском оазисе имелось определенное политическое объединение, центром которого являлся самаркандский Согд. Однако отдельные владения, входившие в него, не потеряли своей самостоятельности, о чем свидетельствуют наличие в Суй-шу отдельных описаний каждого из них и посылка ими самостоятельных посольств в Китай. Когда и как сложилось это объединение, мы не знаем. Однако, поскольку все входившие в него владения платили дань западнотюркскому каганату и последний, естественно, не был заинтересован в появлении в Средней Азии какого-либо сильного политического объединения, — оно могло сложиться только помимо тюрков и против них. Политическая и военная консолидация против западных тюрков была в начале VII в. необходима, так как последние именно в этот период начали активное наступление на северные земледельческие оазисы Средней Азии: в 605—606 гг. тюрки захватили Чач, а в середине VII в. н. э. тюркская династия временно обосновалась и в Северной Фергане.

* * *

Данные Суй-шу о политической карте Среднеазиатского междуречья могут быть проверены путем привлечения записок Сюань Цзана, проехавшего через Среднюю Азию в 630 г. В них описаны и упомянуты следующие владения⁴:

¹ В обоих случаях мы имеем следующие основные владения: Самарканд, Иштихан, Чач, Фергану, Кущанию (Су-дэ), Кеш, Нешхеб, несколько владений в пределах Бухарского оазиса и Тохаристан. Основная разница заключается в отсутствии в Бэй-ши Орушаны. Однако последний факт еще не является прямым свидетельством об отсутствии ее, как особого владения, в V в. н. э.

² Суй-шу, гл. 83, л. 6а.

³ Весьма возможно, что Ань просто было случайно пропущено в перечне при составлении текста главы. Следует отметить также сообщение Суй-шу, что аньский владетель был женат на дочери Канского владетеля. Это указывает во всяком случае на тесную связь обоих владений.

⁴ S. B. e a a l. Si-yü-ki, t. I. London, 1884, стр. 30 и сл.

1. Чжэ-ши.
2. Фей-хань (расположено в 1000 ли юго-восточнее Чжэ-ши).
3. Су-ду-ли-ше-на (расположено в 1000 ли западнее Фей-Ханя).
4. Са-мо-цзянь.
5. Ми-мо-хэ (расположено юго-восточнее Са-мо-цзяни).
6. Цзе-бу-да-на (расположено севернее Ми-мо-хэ).
7. Цюй-шуан-ни-цзя (расположено в 300 ли западнее Са-мо-цзяни).
8. Хэ-хань (расположено в 200 ли западнее Цюй-шуан-ни-цзя).
9. Бу-хэ (расположено в 400 ли западнее Хэ-хани).
10. Фа-ди (расположено в 400 ли западнее Бу-хэ).
11. Цзе-шуан-на (расположено в 300 ли юго-западнее Са-мо-цзяни).
12. Ту-хо-ло.
13. Да-ми (лежит на северном берегу Аму-Дарьи).
14. Чи-о-янь-на (расположено восточнее Да-ми).
15. Ху-лу-мо (расположено восточнее Чи-о-янь-на).
16. Шу-мань¹ (расположено восточнее Ху-лу-мо).
17. Цзюй-хэ-янь-на (расположено юго-восточнее Шу-мани).
18. Хо-ша (расположено восточнее Цзюй-хэ-янь-на).
19. Кэ-до-ло (расположено восточнее Хо-ша).
20. Цзюй-ми-то (расположено посреди Цзун-лина, восточнее Кэ-до-ло и севернее Ши-цзи-ни).
21. Ши-цзи-ни (расположено южнее Цзюй-ми-то).

Все указанные в этом списке названия, за исключением Фа-ди, были отождествлены с более поздними наименованиями, фигурирующими в арабоязычных источниках, еще исследователями XIX в. (Клапротом, Ремюза, Томашеком, Юлем, Кэнингхемом и Сэн-Мартемом). Чжэ-ши является транскрипцией названия Чач, Фей-хань — Фергана, Су-ду-ли-ше-на — Осрушана, Са-мо-цзянь — Самарканд, Ми-мо-хэ — Маймург, Цзе-бу-да-на — Кабудан, Цюй-шуан-ни-цзя — Кушания, Хэ-хань — Харкан (?), Бу-хэ — Бухара, Цзе-шуан-на — Кушания (Кеш), Ту-хо-ло — Тохаристан, Да-ми — Термез, Чи-о-янь-на — Чаганиан, Ху-лу-мо — Ахарун, Шу-мань — Шуман, Цзюй-хэ-янь-на — Кобадан (?), Хо-ша — Вахш, Кэ-до-ло — Хутталь, Цзюй-ми-то — Кумед, Ши-цзи-ни — Шугнан.

Фа-ди не поддается отождествлению с каким-либо названием, фигурирующим в арабоязычных источниках, и точное местонахождение его остается до настоящего времени неясным². Хэ-хань, судя по расстоянию от Кушаний, следует отождествлять с Малым Анем Суй-шу.

Если мы сравним между собой списки владений, упоминаемых в Суй-шу и в записках Сюань Цзана, то увидим между ними, в основном, следующую разницу:

1) Сюань Цзан не упоминает владения Би и На-ше-бо, фигурирующие в Суй-шу;

2) в записках Сюань Цзана упоминается владение Фа-ди, отсутствующее в Суй-шу;

3) Ту-хо-ло фигурирует у Сюань Цзана лишь как наименование определенной территории, фактически разделенной на 27 отдельных владений

¹ С учетом исправления второго зана, предложенного Пельо (см. P. Pelliot. Les publications du Toyo Bunko, TP, t. 26, стр. 365).

² Ширатори (ук. соч., стр. 120—122) предполагает, что Фа-ди является искаженным написанием Моу-ди — названия одного из владений, фигурирующих в Тан-шу, которое можно отождествить с Моу-чжи Бэй-ши и локализовать в Амуле. Это представляется весьма правдоподобным, но не доказанным.

(выше перечислены лишь те из них, которые находились в пределах Средней Азии).

Причину этих расхождений следует искать в каких-то политических изменениях, происшедших в период между 605 и 630 гг.

Политическое объединение в долине Зеравшана и Кашка-дарьинском оазисе, отмеченное в Суй-шу, продолжало существовать и в 630 г., так как Сюань Цзан указывает, что владетелю Са-мо-цзяни (самаркандского Согда) подчинены все соседние владения¹. По данным Сюань Цзана, вся территория от города Су-е (Суяб) до владения Цзе-шуан-на (Кеш) включительно именовалась Су-ли, т. е. Согдом, и это же наименование носили также жители ее и язык, на котором они говорили². Согд в данном случае фигурирует не как политическое, а как географическое понятие, поскольку в пределы его включены Чач и территории, расположенные за Сыр-Дарьей, не входившие в возглавляемое самаркандским Согдом политическое объединение.

* * *

Тан-шу, отражающая положение, существовавшее во второй половине VII в. и, частично, в VIII в. н. э., содержит перечень владений Средней Азии, весьма близкий к тому, который имеется в записках Сюань Цзана. В ней фигурируют следующие владения:

1. Кан (второе название Са-мо-цзянь), расположенное в 50 ли южнее Среднего Цао, в 100 ли северо-западнее Ми, в 150 ли севернее Ши и приблизительно в 100 ли юго-восточнее западного Цао; столица (не названа) находилась на южном берегу реки На-ми.

2. Ань (другие названия Бу-хо и Бу-хэ), расположенное в 100 ли юго-западнее Восточного Ань и в 100 ли северо-восточнее Би; столица А-лань-ми.

3. Восточное Ань (второе название Хэ-хань), расположенное в 400 (?) ли северо-восточнее Ань; столица Хэ-хань находилась южнее реки На-ми.

4. Восточное Цао (другие названия: Шуай-ду-ша-на, Су-дуй-шапа, Цзе-бу-цзюй-на и Су-ду-ши-ни), расположенное в 400 ли южнее Ши, в 400 ли юго-западнее Нин-юани, в 500 ли севернее Ту-хо-ло и в 400 ли восточнее Кана.

5. Западное Цао, граничившее на юге с Ши; столица Шэ-ди-хэнь.

6. Центральное Цао, расположенное восточнее Западного Цао и севернее Кана.

7. Ши (другие названия Чжэ-чжи и Чжэ-чжэ), расположенное в 500 ли северо-восточнее Кана и в 200 ли севернее города Цзюй-чжан-ти; столица Чжэ-чжэ.

8. Ми (другие названия Ми-мо и Ми-мо-хэ), расположенное в 100 ли южнее Кана; столица Бо-си-дэ.

9. Хэ (другие названия Цюй-шуан-ни-цзя и Гуй-шуан-ни).

10. Ши (другие названия Цзя-ша и Цзе-шуан-на), расположенное в 150 ли восточнее На-ше-бо, в 200 ли южнее Ми и в 400 ли севернее Ту-хо-ло.

11. На-ше-бо (второе название Малое Ши, так как подчинено Ши), расположенное западнее Ши.

12. Хо-ша, расположенное восточнее Цзюй-ми и граничащее на востоке с Гу-ту.

13. Гу-ту (второе название Хэ-до-ло); столица Сы-чжу-цзянь.

¹ S. Beal. Si-yü-ki, I, стр. 33.

² Там же, стр. 26.

14. Нин-юань (другие названия Бо-хань-на и Бо-хань); столица Си-цзянь расположена на северном берегу реки Чжэнь-чжу.
15. Ши-ни (другие названия Ши-ци-ни и Шэ-ни), расположенное в 300 ли севернее Ху-ми (Вахан) и в 300 ли юго-восточнее Цзюй-ми.
16. Цзюй-ми, расположенное северо-восточнее Ту-хо-ло.
17. Сы-му, граничащее на севере с Ши.
18. И-пань, граничащее с Каном.
19. Би, расположенное в 100 ли юго-западнее Ань.
20. Шу-ди, расположенное в 600 (?) ли юго-западнее Хо-сюнь (Хорезм).

Значительная часть названий владений, имеющих в Тан-шу, совпадает с названиями, фигурирующими в Суй-шу и, вероятно, заимствована из нее; большинство вторых названий заимствовано из записок Сюань Цзана. Под новыми названиями здесь фигурируют Осрушана (Восточное Цао), Кабудан (Центральное Цао) и Фергана (Нин-юань). Расхождения между перечнями владений в Тан-шу и в записках Сюань Цзана сводятся к следующему:

1. В Тан-шу не упоминаются 5 мелких владений Северного Тохаристана — Термез, Чаганиан, Ахарун, Шуман и Кобадпан (?), а также владение Фа-ди, фигурирующее в записках Сюань Цзана.
2. В Тан-шу фигурируют владения: Западное Цао, На-шо-бо, Сы-му, И-пань, Би и Шу-ди, не упоминаемые Сюань Цзаном.
3. В Тан-шу Ту-хо-ло описывается, как владение, не включающее в себе какой-либо части Среднеазиатского междуречья, — его северной границей является Аму-Дарья.

Отсутствие в Тан-шу вышеуказанных владений северного Тохаристана следует объяснить тем, что эти владения не поддерживали связей с Китаем и поэтому выпали из поля зрения составителей данной династийной истории; это же следует сказать и о причинах отсутствия в ней Фа-ди.

Из числа владений, упоминаемых в Тан-шу, но отсутствующих в записках Сюань Цзана, отождествлению с известными по арабозычным источникам поддаются лишь три: Западное Цао (на основании названия его столицы Шэ-ди-хэнь) с Иштиханом, На-ше-бо с Нехшебом и Би, предположительно, с Пайкендом; остальные, — очевидно, весьма небольшие по своим размерам, — соответствующему отождествлению не поддаются.

Иштихан, Нехшеб и Пайкенд фигурируют в Суй-шу (а первые два уже и в Бэй-шу), вследствие чего не являются новыми владениями. Отсутствие их у Сюань Цзана и «появление» в Тан-шу, очевидно, отражает частичный распад и ослабление упомянутого выше политического объединения, возглавляемого самаркандским Согдом.

О политическом членении Среднеазиатского междуречья в начале VIII в. имеются данные также в записках Хой Чао, проезжавшего через Среднюю Азию в 728 г.¹ В них фигурируют следующие владения: 1) Ань, 2) Цао, 3) Ши, 4) Ши-ло, 5) Ми, 6) Кан, 7) Ба-хэ-на, 8) Гу-ту и 9) Ши-ни.

Почти все названия, которые употребляются Хой Чао, совпадают с названиями, фигурирующими в Тан-шу; не совпадают лишь Ши-ло, безусловно, соответствующее Ши-Чачу и Ба-хэ-на, являющееся иной транскрипцией названия Ферганы. Не вполне ясно, какой территории соответствует Цао, ибо в Тан-шу фигурируют три Цао; однако наиболее вероятно, что это Осрушана, так как Хой Чао перечисляет только крупные владения.

¹ W. Fuchs. Hwei-Ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726. SPAW, 1938.

Ань, Цао, Ши, Ши-ло, Ми и Кан у Хой Чао объединены в одну группу и описываются все вместе; однако никаких указаний на политические взаимоотношения этих владений друг с другом не дается. О Фергане Хой Чао сообщает, что она разделена на две части и в одной из них, лежащей севернее Сыр-Дарьи, господствует тюркская династия.

Тохаристап (Ту-хо-ло) фигурирует в записках Хой Чао, но географические пределы его не указаны. Поскольку наряду с ним имеется Хутталь (Гу-ту), можно предполагать, что под Ту-хо-ло он, так же как и составитель Тан-шу, подразумевает только территорию Южного Тохаристана.

Перечень владений Среднеазиатского междуречья, даваемый Хой-Чао, содержит в себе те же основные крупные владения, которые фигурируют в Тан-шу и в записках Сюань Цзана, однако мелкие владения, перечисляемые в последних, в нем отсутствуют. Причину этого следует искать в том, что автор ставил перед собой задачу дать лишь общее, суммарное описание тех территорий, через которые он проехал.

В тех арабо- и таджикоязычных источниках, которыми мы располагаем в настоящее время, не имеется описаний Средней Азии VII—VIII вв. Географические сочинения содержат весьма подробные описания Средней Азии X в., но не дают полных данных о государственно-политическом членении ее в VII—VIII вв. Последнее отражено в них лишь косвенно, поскольку оно в значительной мере повторяется в административно-территориальном делении саманидского периода. Это деление и используется для установления подлинных названий и локализации владений, фигурирующих в китайских источниках. Некоторые прямые данные о политическом членении Среднеазиатского междуречья конца VII—VIII вв. можно извлечь из исторических сочинений, в которых описывается завоевание Средней Азии арабами¹. В них фигурируют следующие владения: 1) Согд, 2) Бухара, 3) Вардана, 4) Осрушана, 5) Кеш, 6) Несеф, 7) Фергана, 8) Термез, 9) Саганиан, 10) Ахарун, 11) Шуман, 12) Хутталь и несколько мелких (Куфтан, Абгар, Хузар). Территориальные пределы перечисленных владений в исторических сочинениях не указаны, но могут быть установлены с достаточной определенностью путем привлечения географических описаний X в. Соответствующие данные с исчерпывающей полнотой собраны В. В. Бартольд², и повторять их здесь нет необходимости. Следует лишь остановиться на вопросе о географических границах Согда.

Эти границы определяются географами X в. по-разному. Истахри именует Согдом область, расположенную по Зеравшану от Дабусии до Самарканда включительно, но указывает, что некоторые включают в Согд также Бухару, Кеш и Несеф³. Мас'уди называет Согдом область, расположенную между Бухарой и Самаркандом⁴. Я'куби включает в территорию Согда, кроме области от Дабусии до Самарканда, Кеш и Несеф⁵. Автор Худуд ал-'Алам указывает, что Таваанс лежит на границе Бухары и Согда; в качестве основных городов последнего он перечисляет Кермине, Дабусию, Арбинджан, Кушанию, Самарканд, Варагсар и Пенджикент⁶. Якут приводит образное описание Согда, принадлежащее Дакейхани, в котором его территория уподобляется человеческому телу; кроме того, он приводит

¹ Труды Табари. Белазури и Я'куби.

² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II. СПб., 1900; его же. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.

³ Истахри. BGA, I, стр. 316; ср. также стр. 295.

⁴ Mas'udi. Les prairies d'or, т. I, стр. 287.

⁵ Я'куби. BGA, т. VII, стр. 293.

⁶ Худуд ал-'Алам (изд. В. В. Бартольда), стр. 226 и сл.

список лучших кафедр Согда, заимствованный также у этого автора¹. Эти выдержки свидетельствуют о том, что Джейхани включал в состав Согда Маймург, Кеш и Несеф. Сам Якут отмечает, что существует разделение Согда на бухарский и самаркандский. Из всех приведенных выше данных очевидно, что следует разделять Согд как небольшое владение, простирающееся от Дабусии до Самарканда, и Согд как общее название территории, включающей в себя ряд владений. В первом случае мы имеем дело с самаркандским Согдом, соответствующим Кану китайских источников, а во втором случае, — повидимому, с отражением в более поздних представлениях определенного политического объединения конца VII — начала VIII в. О наличии такого объединения в этот период имеются некоторые данные. Прежде всего следует обратить внимание на титулатуру Гурека, приведенную у Я'куби², и совпадающую с ней титулатуру Дивастича в некоторых документах из замка на горе Муг: ихшид Согда, афшин Самарканда. Она свидетельствует о том, что самаркандский владетель в начале VIII в. был одновременно и главой какого-то политического объединения, именуемого Согдом. Я'куби, описывая поход ал-Мухаллаба ибн Абу-Суфры на Кеш, говорит следующее: «И двигался ал-Мухаллаб, пока не достиг страны Согд и остановился у Кеша»³. Из этого очевидно, что Кеш в начале VIII в. н. э. входил в состав Согда. У того же Я'куби, а также в таджикском переводе Табари Бал'ами⁴, приводится содержание мирного договора, заключенного между Кутейбой ибн Муслимом и Гуреком, который был действителен для Самарканда, Кеша и Несефа. Это свидетельствует о том, что Гуреку, кроме Самарканда, были подвластны в какой-то степени также Кеш и Несеф.

Как сообщает Тан-шу⁵, Гурек обратился к китайскому императору с просьбой утвердить двух его сыновей владетелями в Ми (Маймург) и Цао (Кабудан или Иштихан), которая была удовлетворена. Из этого можно сделать заключение, что указанные владения были подчинены Гуреку.

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что в начале VIII в. существовало определенное политическое объединение, в состав которого входили: самаркандский Согд, Маймург, Кабудан (или Иштихан), Кеш и Несеф (вероятно, также и Кушания). Оно, несомненно, являлось остатком того более обширного политического объединения, которое имело в начале VII в. н. э.⁶

Однако, как об этом свидетельствуют все события конца VII — начала VIII в., вышеуказанное политическое объединение не обладало сколько-нибудь значительной прочностью и действенностью. Для этого периода характерна в первую очередь политическая раздробленность Среднеазиатского междуречья, причем отдельные владения часто находились во враждебных отношениях друг с другом. Как сообщает Табари (первоисточником в данном случае является ал-Мадаини), среднеазиатские владетели после летних набегов арабов зимой собирались в одном из городов вблизи Хорезма и заключали договор о том, что в дальнейшем не будут

¹ Jacut's geographisches Wörterbuch (изд. Вюстенфельда), III, стр. 394.

² Ibn Wadhīh, qui dicitur al-Ja'qubī. Historia, II (изд. Оутсма), Лейден, 1883, стр. 344.

³ Там же, стр. 630.

⁴ Там же, стр. 344; Бал'ами — Табари, т. IV. Перевод Зотенберга, стр. 481.

⁵ Тан-шу, гл. 221Б, л. 16.; Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II, стр. 311 (дата дается по первому источнику).

⁶ О нем в арабских источниках также имеется одно косвенное указание: Мас'уди (BGA, VIII, стр. 65) сообщает, что окружавшая Бухарский оазис стена была выстроена в древности одним из царей Согда для защиты от набегов тюрок.

вести войн между собой и будут советоваться друг с другом о своих делах¹. Однако эти взаимные обязательства не соблюдались на деле и даже перед реальной угрозой завоевания со стороны арабов единства между среднеазиатскими владениями не появилось. Такая политическая обстановка дала возможность Кутейбе ибн Муслиму использовать вспомогательные войска из одних владений для завоевания других.

Одним из последствий арабского завоевания была искусственная ликвидация политической раздробленности Среднеазиатского междуречья. Судя по данным китайских источников (пмекются в виду сведения о посольствах), остатки политической самостоятельности отдельных владений были ликвидированы в конце VIII в. Укрепление власти наместников халифата сопровождалось созданием бюрократического аппарата, основной функцией которого был сбор податей, и общей централизацией управления в пределах наместничества.

В то же время арабское завоевание и подчинение власти халифата вызвало к жизни новые, внутренние объединяющие силы, ярко проявившиеся в широких народных восстаниях против омейядов, а затем аббасидов². В ходе этих восстаний, направленных в первую очередь против завоевателей, значение рамок бывших владений, устойчиво сохранявшихся на протяжении четырех столетий, исчезало окончательно.

Результатом народных восстаний второй половины VIII — начала IX в. было выдвижение местных династий, — сначала тахиридов, а затем саманидов, — добившихся фактической независимости от халифата. История возвышения саманидов есть до некоторой степени история собирания и объединения областей, населенных формирующейся таджикской народностью. То, что в данном случае центром относительно прочного объединения было Среднеазиатское междуречье, — не случайно, ибо именно здесь созрели соответствующие силы, подготовленные всем ходом предшествующей истории. Эфталитское государственное образование и политическая консолидация первой половины VII в. н. з. сыграли здесь не последнюю роль.

5. СЛОЖЕНИЕ ОБЩНОСТИ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОСТИ

Для того, чтобы установить, как происходило сложение общности культуры таджикской народности, необходимо ответить в основном на два частных вопроса:

1) как развивалась культура в отдельных областях той части Среднеазиатского междуречья, на которой шел процесс сложения таджикской народности в период IV—X вв. н. з.;

2) в какой период известная общность культуры намечается на всей этой территории или хотя бы на значительной ее части.

Суть первого вопроса заключается в необходимости выяснить, какой характер носил процесс развития культуры в отдельных областях интересующей нас территории, а также, какие элементы культуры были привнесены в известные периоды отдельными дополнительными этническими компонентами. Второй вопрос в сущности является вопросом о времени становления общности культуры таджикской народности. Про-

¹ Табарц, II, стр. 394. Ср. также В. В. Бартольд. Туркестан, т. II, стр. 184.

² Политическая история VIII—X вв. с достаточной подробностью освещена А. Ю. Якубовским в соответствующих главах «Истории Узбекистана» (т. I), и останавливаться на ней здесь нет необходимости.

цесс становления общности культуры, несомненно, был чрезвычайно сложен, и мы не имеем никаких оснований предполагать, что он носил равномерный характер. Мы не можем ожидать, что общность культуры появилась на всей интересующей нас территории одновременно; теоретически гораздо более вероятно, что эта общность появилась сначала только на определенной ее части.

Чтобы дать ответы на вышеуказанные два вопроса, естественно, необходимо иметь достаточно полные данные о культуре всех областей, составляющих интересующую нас территорию, и при этом в разные периоды. Использованы могут быть в данном случае, в первую очередь, археологические материалы и, в меньшей степени, свидетельства письменных источников. При этом археологические материалы составляют основной источник для суждений в области материальной культуры, но лишь второстепенный — в области духовной культуры.

К сожалению, на современном этапе наших знаний дать полные ответы на оба поставленные выше вопроса невозможно. Это обусловлено ограниченностью соответствующих данных в письменных источниках и, главное, недостатком археологических материалов. Археологическая изученность интересующей нас части Среднеазиатского междуречья в настоящее время весьма невелика, и число памятников, подвергшихся систематическим раскопкам, крайне ограничено. Относительно хорошо изучена территория самаркандского Согда, где производились раскопки на городищах Афрасиаб, Тали Барзу и Кафыр-кала; в настоящее время систематические раскопки ведутся на городище древнего Пенджикента. В Осрушане крупные раскопочные работы были произведены только на городище Мунчак-тепе, однако из добытых здесь материалов опубликована только небольшая часть. Археологическая разведка на территории Осрушаны проведена лишь в последние годы. В Кашка-дарьинском оазисе раскопки начаты недавно и больших результатов пока еще не дали. На территории Бухарского оазиса, в Варахше ряд лет ведутся раскопки дворца бухар-худатов; однако добытые здесь материалы в основной своей массе не опубликованы и недоступны для изучения. На территории Ферганы до настоящего времени производилось изучение, в основном, лишь памятников кочевников, распространенных только в горных и предгорных ее районах; памятники оседлого населения, имеющиеся в равнинной части, изучены очень слабо. В Южном Таджикистане систематические археологические работы начаты лишь недавно, причем в настоящее время основное внимание уделяется памятникам античного периода.

Недостаток археологических материалов обуславливает, в первую очередь, невозможность дать полный и определенный ответ на первый вопрос — о том, как развивалась культура в отдельных областях территории, на которой шел процесс сложения таджикской народности. В настоящее время путь развития культуры, и то лишь материальной, можно установить только для территории самаркандского Согда. Что касается второго вопроса, то здесь недостаток археологических материалов в известной мере компенсируется наличием некоторых ценных данных в письменных источниках. Однако и на него мы еще не можем дать полного и окончательного ответа.

* * *

Основным источником для установления пути развития материальной культуры в самаркандском Согде являются археологические материалы, добытые при раскопках городища Тали Барзу, производившихся в 1936—

1939 гг.¹ Датировка отдельных слоев этого городища, предложенная его исследователем Г. В. Григорьевым, в настоящее время должна считаться неправильной. В опубликованных работах Г. В. Григорьева дана следующая хронология²:

Тали Барзу (ниже — ТБ) I: вторая четверть I тысячелетия до н. э.

ТБ II: V—IV вв. до н. э. — ахеменидский период

ТБ III: III—II вв. до н. э. — эллинистический период

ТБ IV: I в. до н. э. — II в. н. э. — кушанский период

Запустение: III — V в. н. э.

ТБ V: VI—VII вв. — позднесасанидский период

ТБ VI: конец VII в. — первая половина VIII в. — мусульманский период.

Эти же датировки повторены им и в неопубликованной диссертации.

Перерыв между слоями ТБ IV и ТБ V обоснован стратиграфическими данными, но время, к которому он относится, установлено лишь на основе датировки этих слоев. Приведенные датировки Г. В. Григорьева подверглись критике уже в 1940 г., когда А. И. Тереножкин показал, что так называемый «сакский» слой городищ Ташкентской области, послуживший опорой для датировки слоя ТБ I, относится вовсе не к I тысячелетию до н. э., а, в основном, к началу I тысячелетия н. э., что не позволяет и ТБ I относить к столь раннему времени³. Таким образом основная опора датировки ТБ I была сильно поколеблена. В 1946 г., на основании изучения хорезмийских материалов, С. П. Толстов окончательно доказал неверность датировки «сакских» городищ и тем самым ошибочность опирающихся на них датировок Тали Барзу⁴. С другой стороны, А. И. Тереножкин в 1947 г. выявил на Афрасиабе три последовательных культурных слоя, из которых самый верхний дал материал типа ТБ I, а предшествующий ему слой содержал материал, совпадающий с находками из погребений группы IIIб на Туп-Хона, которые точно датируются рубежом II—I вв. до н. э.⁵

Таким образом, неправильность датировки Г. В. Григорьева была доказана полностью. ТБ I мы должны относить отнюдь не к «доахеменидскому» периоду, а к рубежу нашей эры; в соответствии с этим изменяется и датировка трех последующих слоев, падающих на I—VI вв. н. э. На необходимость этого изменения указывал уже С. П. Толстов, исходя из сопоставления материалов данных слоев с материалами из Хорезма⁶.

На основании всех последних данных датировка слоев Тали Барзу может быть дана в следующем виде:

ТБ I: I в. до н. э. — I в. н. э.

ТБ II: I в. н. э. — II в.

ТБ III: III—IV вв.

ТБ IV: V—VI вв.

ТБ V: VI—VII вв.

ТБ VI: первая половина VIII в.

¹ Эти материалы в основном до сих пор не опубликованы.

² Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 87—104; его же. Поселения древнего Согда. КСИИМК, VI, 1940, стр. 24—34.

³ А. И. Тереножкин. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Краткий отчет о работах Янгя-юльской археологической экспедиции». Изв. УзФАН, 1940, № 8, стр. 84—86; его же. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Каунчи-тепе». Изв. УзФАН, 1940, № 8, стр. 86.

⁴ С. П. Толстов. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Каунчи-тепе». ВДИ, 1946, № 1, стр. 173—175.

⁵ М. М. Дьяконов. Работа Кафирниганского отряда. МИА, № 15, 1950.

⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 86, прим. 3.

Вопрос о длительности и характере «стратиграфического перерыва» между ТБ IV и ТБ V остается открытым. Соответствующая ему прослойка, по определению самого же Г. В. Григорьева, является не стерильной, а образовавшейся вследствие оплыва зданий; материал из нее тот же, что и из слоя IV. Повидимому, в данном случае мы имеем дело не с многовековым запустением городища, а просто с кратковременным периодом упадка, который, весьма вероятно, был следствием военных действий, происходивших во второй половине VI в. между эфталитами и западными тюрками. Существенное значение для нас имеет то, что данный перерыв, — сколь бы длителен он ни был, — падает на сравнительно поздний период и уже во всяком случае не может быть связан с кризисом IV—V вв. н. э. Это делает Тали Барзу особенно важным памятником, так как все прочие городища, исключая Афрасиаб, при современном состоянии их изученности, дают материал не по всем периодам. Как ни ограничен изданный материал, уже по одному ему можно убедиться в том, что никаких смен культуры на протяжении всего периода существования Тали Барзу не имело места. Г. В. Григорьев правильно выделил «руководящие» черты для каждого слоя, т. е. то, что специфично для него, хотя не всегда оговаривал существование наряду с ними и черт, связывающих отдельные слои между собою. Так, он отмечает почти полное повторение в основной массе керамики слоев ТБ I и ТБ II одних и тех же форм, но пытается выделить ТБ III, как особый период, когда керамика резко меняет свой характер. «Новые» формы ТБ III, судя по материалам, хранящимся в Самаркандском музее, имеются и в более ранних слоях, но в меньшем количестве. Если они являются определяющими для ТБ III, то только в порядке выделения «руководящих» форм, но не более. Также, повидимому, не было полного и одновременного исчезновения в слое ТБ III и форм более ранних.

Кроме того, следует отметить, что «новые» формы отнюдь не являются массовым материалом для этого слоя. С другой стороны, сам Г. В. Григорьев вынужден был признать, что изменений в строительной технике, планировке и т. д. в слое ТБ III не наблюдается. Таким образом, слой ТБ III никак не может считаться выпадающим из общей линии развития культуры, характеризующейся в предшествующие периоды достаточно четко выраженной преемственностью.

Что касается слоя ТБ IV, то тут Г. В. Григорьев констатирует определенную близость материалов из него к материалам из ТБ III. Различия носят преимущественно частный характер при общей тенденции к ухудшению качества керамики. При этом мы наблюдаем существенные изменения в строительной технике. В этот период более древние постройки были срезаны и забиты, а на созданной таким образом платформе возведено новое здание из иного по размерам кирпича ($45 \times 30 \times 9$ см)¹. Стены его были облицованы обожженными плитками размером $44 \times 29 \times 5$ см. Если в ранних постройках своды полуциркульные и кирпич в них поставлен вертикально, то в новых сооружениях своды близки к стрельчатым, а кирпич поставлен под углом $30-35^\circ$. Таким образом, мы имеем дело уже со строительной техникой не античного, а раннесредневекового периода. Слой ТБ V дает нам дальнейшие изменения в характере керамики и строительной техники; в последней начинают преобладать блоки и глинобитные стены и падает роль кирпича. Однако мы имеем все основания видеть в «новом», характерном для данного периода, дальнейшее разви-

¹ Ранний кирпич имеет размеры: $39 \times 39 \times 9$; $35 \times 35 \times 9$ и $52 \times 24 \times 9$ см.

те «старого»; в частности, для керамики, повидимому, даже можно было бы проследить путь создания новых форм.

Таким образом, Тали Барзу дает нам, конечно в далеко не полном виде, единую непрерывную линию развития культуры, начиная с раннекушанского периода вплоть до первой половины VIII в. н. э. При этом мы не можем обнаружить в наличном материале каких-либо следов воздействия культуры кочевников, что также чрезвычайно важно.

Второй крупнейший памятник самаркандского Согда — Афрасиаб также дает нам существенный материал для выяснения поставленного вопроса. Благодаря работам А. И. Тереножкина (1946—1948 гг.) мы имеем достаточно детальную и твердую периодизацию отдельных культурных пластов этого городища и сравнительно полное представление об общем характере развития культуры на протяжении примерно тысячелетия¹. Большой заслугой А. И. Тереножкина является не только упомянутое выше существенное уточнение датировок Г. В. Григорьева, но и выявление на Афрасиабе более ранних культурных слоев. В частности, им обнаружен, повидимому, наиболее древний культурный слой, относящийся к периоду зарождения здесь города (Афрасиаб I).

Еще недавно имела известная неуверенность в правильности датировки слоя Афрасиаб I, которая меньше всего была подкреплена стратиграфическими и иными данными. Однако в настоящее время, после раскопок, произведенных в 1950—1951 гг. М. М. Дьяконовым в Кобадияне², она может считаться бесспорно правильной. Тереножкин, основываясь на результатах своих раскопок, утверждает, что в кушанский период (I—IV вв. н. э.) Самарканд находился в упадке³. Как справедливо отметил М. Е. Массон, материал кушанского периода имеется в изобилии как на самом Афрасиабе, так и в Самаркандском музее, вследствие чего это утверждение не может считаться правильным⁴. Определенное запустение города, если оно и имело место, то падает лишь на III—IV вв. н. э.; этот период представлен на Афрасиабе ограниченными материалами.

Археологические материалы с Афрасиаба полностью подтверждают правильность заключения о преемственном характере развития культуры в самаркандском Согде, которое может быть сделано на основе материалов из Тали Барзу. В частности, А. И. Тереножкиным, тщательно учитывавшим все находки, весьма убедительно показана генетическая связь основных форм керамики в разные периоды, начиная с VI в. до н. э. Как и в материалах из Тали Барзу, мы не обнаруживаем в материалах с Афрасиаба каких-либо следов воздействия кочевнических культур. Таким образом, на основании имеющихся археологических материалов из Тали Барзу и Афрасиаба мы вправе сделать вывод, что процесс развития материальной культуры в самаркандском Согде носил преемственный характер. Вследствие этого, а также отсутствия следов воздействия на местную материальную культуру кочевнических культур, роль хионитов-эфталитов и тюрок в сложении культуры таджикской народности здесь должна быть признана крайне незначительной.

¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИМК, XXXIII, 1950, стр. 152—169; е го ж е. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 127—135.

² См. Отчет М. М. Дьяконова в Трудах Таджикской археологической экспедиции, т. II (МИА, № 37, 1953).

³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 159, 160.

⁴ М. Е. М а с с о н. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, стр. 159.

Из-за отсутствия необходимых материалов в настоящее время еще невозможно установить, в какой мере аналогичный характер носил процесс развития материальной культуры в других областях интересующей нас части Среднеазиатского междуречья; однако никаких данных, говорящих о том, что он был там иным, не имеется. Конечно, необходимо учитывать, что самаркандский Согд является центральной, глубинной областью той части Среднеазиатского междуречья, на которой шел процесс сложения таджикской народности, и окружен он со всех сторон земледельческими областями. В окраинных областях, в частности в Фергане, граничивших с территориями, населенными кочевниками, воздействие культуры последних на культуру земледельческого населения, несомненно, имело место; однако размер этого воздействия и конкретные формы его проявления в настоящее время нам неизвестны. Но культурное воздействие кочевников на оседлое население не могло быть значительным, ибо хозяйственная база первых в корне отлична от хозяйственной базы вторых.

* * *

Для решения второго из поставленных выше вопросов — о том, в какой период намечается известная общность культуры на той территории, на которой шел процесс сложения таджикской народности, — мы располагаем не только археологическими материалами, но и определенными данными письменных источников. Несмотря на слабую и весьма неравномерную археологическую изученность интересующей нас территории, ряд данных говорит о том, что в VII в. н. э. в пределах долины Зеравшана, Кашка-дарьинского оазиса и, повидямому, Осурушаны намечается определенная общность материальной культуры. Прежде всего в этот период наблюдается значительное единообразие археологического материала на территории всего самаркандского Согда (Афрасиаб, Тали Барз, Кафыр-кала, Чилек и множество тепе в Самаркандской области). Далее, весьма близкий материал имеется в пределах Кашка-дарьинского оазиса (судя по результатам разведки А. И. Тереножкина и раскопок С. К. Кабанова).

По данным археологической разведки 1950 г., близкий материал широко распространен также на территории Осурушаны; однако вопрос о датировке его пока остается еще не вполне ясным¹. Что касается Бухарского оазиса, то археологические материалы VII в. отсюда нам мало известны; однако некоторые данные все же позволяют предполагать, что материальная культура этой территории в указанный период была весьма близка к материальной культуре самаркандского Согда.

Известная общность материальной культуры в VII в. на указанной территории проявляется, в первую очередь, в сходстве форм и техники изготовления керамики, в покрытии ее сходными по составу и окраске ангобами, в значительной близости строительных приемов, строительных материалов (сырцового кирпича и пахсы) и архитектурных форм, в повсеместном распространении и даже господстве оссуарных погребений, в сходстве техники выполнения, формы и орнаментации оссуариев, в сходстве элементов вооружения и снаряжения и т. д.²

¹ Учитывая некоторую географическую изолированность Осурушаны, можно допустить наличие известной разницы в периодах бытования тех или иных форм материальной культуры здесь и в долине Зеравшана.

² Детальное и подробное сопоставление отдельных форм материальной культуры этого периода из разных областей крайне затруднено тем, что соответствующие материалы в подавляющем своем большинстве не опубликованы.

Появление в VII в. н. э. известной общности культуры на территории долины Зеравшана, Кашка-дарьинского оазиса и Осурушаны подтверждается также данными письменных источников, отмечающих как раз те стороны культуры, которые не отражены в археологических материалах. Эти данные содержатся в китайских источниках, описывающих Среднюю Азию указанного периода, — в Суй-шу и в записках Сюань Цзана. В Суй-шу отмечено, что нравы и обычаи жителей владения Ань (Бухарский оазис) одинаковы с нравами и обычаями населения Кана (самаркандского Согда), за исключением практики женитьбы на сестрах и старших женах отца¹. Последняя деталь сама по себе представляет значительный интерес, так как свидетельствует об относительном архаизме семейных отношений в Бухарском оазисе по сравнению с самаркандским Согдом, что, по всей видимости, следует объяснить более быстрым темпом развития феодальных отношений в последнем.

Далее Суй-шу указывает, что нравы и обычаи населения владения Ши (Кеш) также одинаковы с нравами и обычаями жителей Кана². В описаниях Тохаристана и Ферганы, имеющихся в Суй-шу, к сожалению, не содержится никаких указаний о том, были ли нравы и обычаи населения этих областей сходны с нравами и обычаями жителей других областей³.

Как ни отрывочны данные Суй-шу, они указывают на то, что в VII в. на территории долины Зеравшана и Кашка-дарьинского оазиса имелось известное единство культуры — во всяком случае в той ее части, которая отражается понятиями нравов и обычаев. А последние включают в себя прежде всего те стороны культуры, которые в наименее полной форме отражаются вещественными памятниками. Вследствие этого письменные источники существенно дополняют данные археологических материалов.

Сравнительно более подробные и весьма важные данные по интересующему нас вопросу содержатся в записках Сюань Цзана. Последний указывает, что вся территория от Суяба до Кеша (включительно) именовалась Согдом (Су-ли) и население ее, а также язык, на котором оно говорило, носили соответствующее название⁴. Далее он приводит краткую общую характеристику всей этой территории, в частности некоторые данные о нравах, обычаях, одежде и характере жителей. При этом подразумевается население всего этого Согда в указанных территориальных пределах, а не какой-то отдельной его части. Кроме того, описывая отдельные владения, составлявшие этот Согд, Сюань Цзан почти в каждом случае отмечает, что нравы и обычаи населения одинаковы с нравами и обычаями жителей самаркандского Согда (Са-мо-цзянь). Соответствующие указания отсутствуют лишь в описаниях Чача и Осурушаны: в первом вообще ничего не говорится о нравах и обычаях населения, а в описании Осурушаны отмечается, что нравы и обычаи жителей ее сходны с нравами и обычаями населения Чача⁵. Причиной этого, очевидно, является то, что описания Чача и Осурушаны предшествуют описанию самаркандского Согда, так как Сюань Цзан ехал с севера на юг.

В описании Тохаристана Сюань Цзан ничего не говорит о нравах и обычаях жителей, ограничиваясь малосодержательной фразой о характере их. Никаких указаний о нравах и обычаях населения не имеется также и в последующих описаниях отдельных владений, составлявших Тохаристан. Однако при описании ряда областей, лежащих далее на юг, он

¹ Суй-шу, гл. 83, л. 7а.

² Там же, л. 10а.

³ Там же, л. 9б.

⁴ S. В e a l. Si-yü-ki, I, стр. 26.

⁵ Там же, стр. 32.

сопоставляет нравы и обычаи их жителей с нравами и обычаями населения Тохаристана. Из этого очевидно, что в пределах всего Тохаристана имелась определенная общность нравов и обычаев населения. Были ли они сходны с нравами и обычаями жителей более северных областей, или нет, — Сюань Цзан, к сожалению, не указывает. Приведенные выше данные Суй-шу и записок Сюань Цзана являются весьма определенным свидетельством о том, что в первой половине VII в.¹ на территории долины Зеравшана, Кашка-дарьинского оазиса и Осрушаны уже складывалась известная общность культуры. О наличии таковой в начале VIII в. мы имеем данные в записках Хой Чао. Здесь все владения, лежащие в долине Зеравшана и Кашка-дарьинском оазисе, а также Осрушана и Чач объединены в одну группу и описываются, как нечто единое². Соответственно характеристика нравов и обычаев населения дается для всей этой территории целиком. Хой-Чао отмечает, в частности, что в указанных владениях берут в жены сестер и матерей и в то же время распространена полиандрия. Очевидно, мы должны в данном случае разграничивать эти явления и относить к разным территориям. Полиандрия, как уже указывалось выше, специфична для эфталитов и, очевидно, была распространена в тех местностях, где они осели³. Что касается обычая брать в жены близких родственников, то он отмечен в Суй-шу, как характерный для Бухарского оазиса.

О нравах и обычаях жителей Тохаристана Хой Чао, как и другие источники, ничего не сообщает, если исключить указание о том, что и здесь была распространена полиандрия (отмечена она им также в Бамиане, Каписе и Забулистане, т. е. во всех областях, где ранее обосновались отдельные группы эфталитов).

Как показывают имеющиеся в настоящее время археологические материалы, в VII в. в долине Зеравшана, Кашка-дарьинском оазисе, равнинной части Ферганы и в Чаче имели массовое распространение оссуарные погребения⁴. При этом формы самих оссуариев в отдельных областях весьма сходны друг с другом. Это свидетельствует о том, что в VII в. в религиозных взглядах населения указанной территории имелась известная общность⁵.

Если мы обратимся к письменным источникам, то и в них найдем определенные свидетельства о появлении этой общности. Прежде всего весьма показательным является быстрое исчезновение в самаркандском Согде буддизма. В Суй-шу, отражающей положение, имевшее место на рубеже VI и VII вв., имеется совершенно определенное указание, что жители самаркандского Согда (Кана) поклоняются Будде⁶. Однако уже Сюань Цзан отмечает, что

¹ Описание Средней Азии, содержащееся в Суй-шу, основано на большом труде, посвященном описанию «Западного края», составленному в 605/606 гг. Пэй Цзюем; Сюань Цзан проехал через Среднюю Азию в 630 г.

² W. Fuchs. Ук. соч., стр. 467.

³ Повидимому, основными районами оседания эфталитов были окраины Бухарского оазиса, средняя часть долины Зеравшана между Бухарой и Самаркандом и Северный Тохаристан (Хуттал и Чаганиан).

⁴ Подавляющее большинство оссуариев, происходящих с этой территории, не издано. Также не имеется сводной работы, содержащей данные о местах и условиях находки оссуариев, хотя потребность в ней очень велика; на 1908 г. соответствующая сводка была дана В. В. Бартольд в статье «К вопросу об оссуариях Туркестанского края» (ИРКИСВА, № 8, 1908), однако с тех пор накоплен новый богатейший материал, ожидающий своего исследователя.

⁵ Оссуарные погребения характерны для маиздеизма. Однако они могли быть распространены и среди манихейцев; манихейство, судя по всем имеющимся в настоящее время данным, чрезвычайно быстро приспосабливалось к местным религиозным системам и многое из них заимствовало.

⁶ Суй-шу, гл. 83, л. 6а; Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II, стр. 281.

жители Самарканда не следуют вероучению Будды, а имеющиеся в городе храмы заброшены, причем местное население никого к ним не подпускает. Спутников Сюань Цзана, пытавшихся подойти к ним, собравшиеся местные жители прогнали горящими головнями¹. Эти детали показывают, что буддизм не только просто исчез здесь, но и отношение к нему населения было уже резко враждебно.

Сопоставляя данные Суй-шу и составителя жизнеописания Сюань Цзана, мы можем прийти к заключению, что буддизм исчез в самаркандском Согде на протяжении четверти столетия². Несмотря на то, что Сюань Цзан якобы сумел склонить канского владетеля и некоторых придворных принять буддизм, судьба последнего в самаркандском Согде была уже решена. Судя по данным записок Сюань Цзана, в 630 г. буддизма не было не только в самаркандском Согде, но и на всей территории долины Зеравшана, Кашка-дарьинского оазиса и Осрушаны. В 728 г. Хой Чао также отметил отсутствие буддизма на этой территории: единственным следом бывшего распространения его здесь являлся заброшенный монастырь в Самарканде, в котором имелся один монах³.

Быстрое исчезновение буддизма в самаркандском Согде, несомненно, связано с укреплением позиций какой-то иной религиозной системы. Если Тан-шу отмечает сосуществование здесь буддизма с поклонением небесному богу, то Хой Чао говорит, что все население владений в долине Зеравшана и Кашка-дарьинском оазисе, а также Осрушаны и Чача поклоняется небесному богу огня. Последнее является прямым указанием на то, что в начале VIII в. на указанной территории имелась тенденция к установлению господства какой-то одной, определенной религиозной системы. Поскольку Хой Чао говорит о поклонении небесному богу огня, мы вправе предполагать, что этой религиозной системой была местная, среднеазиатская форма зороастризма, которую условно можно назвать маздеизмом. Это подтверждается, в частности, и отмеченным выше массовым распространением оссуарных погребений.

Из-за недостатка соответствующих данных в настоящее время еще невозможно дать хотя бы относительно полную характеристику среднеазиатского маздеизма. Однако с уверенностью можно говорить о том, что он во многом отличался от канонизированного зороастризма, господствовавшего в Иране. Одним из отличий его, повидимому, являлось сочетание поклонения огню с поклонением идолам⁴.

На основании всего сказанного мы вправе сделать вывод, что в VII в. на территории долины Зеравшана, Кашка-дарьинского оазиса и, повидимому, также Осрушаны намечается известное единство культуры.

О культуре равнинной части Ферганы мы не имеем в настоящее время данных, достаточных для того, чтобы установить, была ли она сходна с

¹ S. Beal. The life of Hsien-Tsiang. London, 1914, стр. 46.

² Указание Суй-шу о том, что жители Кана поклоняются Будде, конечно, нельзя истолковывать как свидетельство о том, что все население самаркандского Согда было буддийским. Буддизм здесь сосуществовал с другими религиями, но, очевидно, играл не последнюю роль. Истинное положение вещей правильно отражено в Тан-шу, где говорится, что в среде жителей Кана распространены буддизм и поклонение «небесному богу» (Н. Я. Вичурин. Ук. соч., т. II, стр. 310; E. Chavannes. Documents..., стр. 135). О причине расхождения переводов Вичурина и Шаванна см.: E. Chavannes. Le nestorianisme et l'inscription de Kara-balghassoun. JA, IX, 1897, стр. 59—60).

³ W. Fuchs. Ук. соч., стр. 487.

⁴ Сочетание поклонения идолам с поклонением огню наблюдается, в частности, в древнем Пенджикенте. Здесь в храмах, наряду с изображениями жертвенников со священным огнем, имеются остатки скульптур в нишах (а также остатки крупной глиняной статуи перед оградой храма II) и многочисленные изображения божеств.

культурой вышеуказанных областей или отлична от нее. Культура Северного Тохаристана VII в. нам очень мало известна, так как археологическое изучение этой области только еще начинается. Однако ряд имеющихся в настоящее время данных говорит о более или менее значительном отличии ее от культуры центральной части Среднеазиатского междуречья (долина Зеравшана и Кашка-дарьинский оазис).

Прежде всего следует отметить, что в VII в. в Тохаристане, — как северном, так и южном, — употреблялся совершенно иной шрифт, чем в более северных областях. Об этом мы имеем совершенно определенные данные в записках Сюань Цзана. Последний указывает, что в Тохаристане употребляется алфавит, состоящий из 25 букв, и пишут горизонтальными строками слева направо¹.

Далее, по данным Сюань Цзана, монеты, чеканившиеся в VII в. в Тохаристане, были отличны по типу от монет других областей². Очевидно, что, в частности, они были отличны и от монет, чеканившихся в центральной части Среднеазиатского междуречья. Отличие имелось не только в типе, но и в металле: в Тохаристане, как указывает Сюань Цзан, чеканились золотые и серебряные монеты, а все известные нам согдийские монеты — медные.

Необходимо отметить также почти полное отсутствие в северном Тохаристане оссуарных погребений, господствующих в VII в. на территории центральной части Среднеазиатского междуречья³. Это является свидетельством того, что здесь была распространена иная система религиозных взглядов и господствовали иные погребальные обряды.

Весьма существенным моментом является также значительная прочность позиций буддизма в Северном Тохаристане. По данным Сюань Цзана, в 630 г. в Термезе имелось 10 буддийских монастырей, в Чаганиане — 5, в Ахаруне — 2, в Шумане — 2, в Кобадииане — 3⁴. Судя по сведениям, содержащимся в записках Хой Чао, буддизм был еще в начале VIII в. господствующей религией в Хуттале⁵.

Относительная общность культуры на всей той территории, на которой шел процесс сложения таджикской народности, проявляется лишь позднее — в X в. н. э. Проявления этой общности чрезвычайно разнообразны, и полная характеристика их может быть дана только в специальной работе. В данном случае следует отметить только некоторые из них.

В области материальной культуры общность наблюдается прежде всего в формах и технике изготовления керамики: так называемая саманидская полианан керамика, характеризующаяся совершенно определенным типом поливы и декоративной росписи, распространяется в X в. на всей интересующей нас территории. В формах сосудов, изготовлявшихся в различных областях, наблюдается вполне определенное единообразие: преобладают блюда, миски (большие и малые), чаши типа пиялы, кувшины яйцевидной формы с высоким горлом и светильники.

¹ S. Beal. *Si-yü-ki*, I, стр. 38. Как установлено в настоящее время, Сюань Цзан описывает известный нам по кушанским и эфталтским монетам греческий курсив. В алфавит к первоначальным 24 буквам еще в кушанский период была добавлена буква p = ш. См. H. Bailey. *Ttāng-shi*. BSOS, VIII, стр. 890—92; P. Pelliot. *A propos du «tokharien»*, TP, 32, стр. 280.

² S. Beal. Ук. соч. I, стр. 38.

³ В настоящее время известен только один оссуарий, происходящий из Донгаринского района.

⁴ S. Beal. Ук. соч. I, стр. 38—40.

⁵ W. Fuchs. Ук. соч., стр. 458.

Ряд данных свидетельствует о том, что в X в. весьма широкое распространение получает также тонкостенная, дутая без форм стеклянная посуда.

В архитектуре X в. (насколько она нам известна, в основном, по монументальным постройкам) повсеместно наблюдается возрастание роли обожженного кирпича как строительного материала. При этом обожженный кирпич уже имеет вполне выработанные, в известной мере стандартные размеры. Известные нам в настоящее время памятники свидетельствуют о том, что в X в. одним из основных видов монументальных построек становятся здания центрически-купольного типа. Одной из наиболее характерных черт архитектуры X в. является органическая связь конструкции с убранством: последнее выполнялось преимущественно тем же материалом, что и сама конструкция (кирпич и глянч).

В X в. имелся единый литературный язык — таджикский, на котором создавались первоклассные поэтические произведения. Арабский язык, ранее насаждавшийся наместниками халифата в качестве официального и литературного, сохранял свои позиции в области религиозной и научной (философия, астрономия, медицина и др.) литературы. В X в. господствующей религией в Среднеазиатском междуречье был уже ислам. Окончательная победа его здесь, очевидно, относится лишь в IX в. н. э. (учитывая длительное сохранение независимости и изолированности Осрушаной и некоторыми частями Северного Тохаристана).

Ведущей областью в культурном отношении в этот период являлась долина Зеравшана, где находились крупнейшие культурные и политические центры — Бухара и Самарканд. Учитывая этот факт и то, что известная общность культуры намечается в долине Зеравшана, Кашка-дарьинском оазисе и Осрушане уже в VII в. н. э., можно предполагать, что именно долина Зеравшана сыграла наиболее активную роль в процессе сложения общности культуры таджикской народности в пределах Среднеазиатского междуречья.
